

КИРОВ

Смена № 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Белеет парус...

Все больше становится у нас людей, подружившихся с парусом, все чаще можно видеть, как по зеркальной поверхности прес, озер, морей скользят легкие, изящные яхты.

Кто бы мог подумать, что под Москвой, где еще недавно расстилался типично «сухопутный» пейзаж, будут бегать по огромным озерам парусные суда? Канал Москва-Волга, образовавшийся на своем пути грандиозные водохранилища, способствовала развитию парусного спорта в столице. В 1937 году парусное судно «Норд» однократно бороздило воды Калужинского водохранилища, а сейчас в Москве целый парус-

ный флот — 102 яхты различных классов.

Парусный спорт сложен, и в умелых руках. Спортивно-паруснику нужно быть сведущим в метеорологии, знать материальную часть судна, навигацию, штурманское дело. Он должен быть ловким, находчивым, уметь быстро ориентироваться в создавшейся обстановке и быстро принимать решение. А все эти качества необходимы тем, кто эберет для себя замечательную, полную романтики профессию моряка.

Большой опыт и спорную подготовку спортсмен-парусник, готовясь к соревнованиям.

В «касаемых соревнованиях» на определенную дистанцию гонится одиотипные яхты. Выигрывает та, которая первой закончит гонку. Так узнается лучшая яхта.

Но есть и другой вид парусных соревнований — так называемые «соревнования с пересадкой». Придуманы они для того, чтобы определить, кто лучший рулевой. В этих соревнованиях яхты одного и того же класса проходят не один круг, а столько, сколько учитывают судов. После каждого пройденного круга команды меняются своими яхтами. Таким образом можно установить лучшего рулевого, который на разных яхтах приходит первым к финишу.

Парусные соревнования — красивое зрелище. Десятки яхт, походившая белыми, как крылья лебедей, парусами, бьются у причала, ожидая сигнала к выходу. Вот раздается удар колокола, и все яхты выходят на линию старта. Меленько поднимается по гонимой мачте, стоящей на берегу, красный шар-сигнал. На пятой минуте шар падает. Яхты пересекают стартовую линию. Белой стайкой, накренившись и отваливая острыми форштевнями палеты воды, они идут по дистанции. Сильные порывы ветра ускоряют их бег. Вот впереди показался поворотный знак. Суда обогнули его и ложатся на новый курс. Растворившись дальною, песочковой, спешат они к финишу, и кажется, будто скользят по озеру стаи белокрылых лебедей.

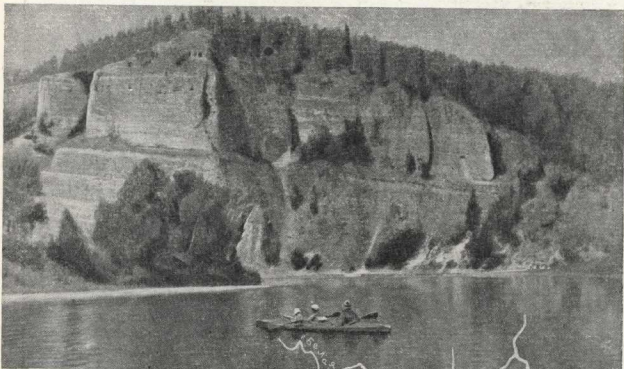
А. СУХОВ

На обложке: отличник боевой и политической подготовки, член президиума бюро ВЛКСМ крайсера «Кирова» П. Белов (Балтийский флот). Фото И. Шагина. На обороте обложки: на взморье, на ямьорье, Фото Н. Штерцера

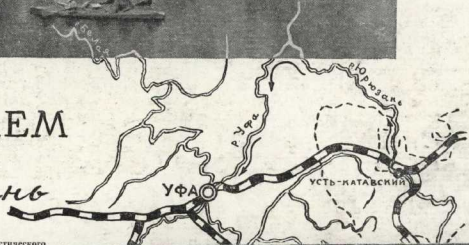
На фото яхты на тоннах, (казанские водохранилища). Сверху вниз: штурманский пост на яхте «Норд», спешат они к финишу, и кажется, будто скользят по озеру стаи белокрылых лебедей.

Фото Л. Сухова

Живописный берега
реки Юрюзань.
Фото Е. Романкова

МЫ ЕДЕМ на Юрюзань

Вода стала любимой стихией нашего туристического Парузда. Немало провели мы за три года экскурсий в походы, особенно хорошо прошли наши проходы: все путешествие по маршруту Вадлай — Семизер. Мы много занимались греблей на байдарках, а на плотах, и на местных рыбацких лодках и барасах.

Теперь мы решили посмотреть новые места. Как и в прошлом году, с нами идет наш наставник Петр Тимофеевич Качин.

На ставке Усть-Катавский (Челябинская область) мы сойдем с поезда, сядем в лодки и спустимся вниз по течению реки Юрюзань. Это путь (250 километров) мы думаем пройти за 12—14 дней. Юрюзань впадает в Уфу. По этой реке нам придется проплыть около 300 километров. Недалеко от города Уфы, столицы Башкирии, мы разобьем лагерь, отдохнем, оформим документы по дороге материалы, определимся свои путевые заметки.

Что может быть заманчивое путешествие на лодках по этому чудесному краю? Тончайшей мергальной известкой выстелена каменная Юрюзань: меж настигнутся скалы. С каждой ее поворотом, словно в кинофильме, будут отбрасываться вперед наши все новые и новые пейзажи: тут и древние утесы, и причудливые пенеры, и дремучие леса. Вот-вот вылезет на наши взгляды, тут же жаркие косули.

Несколько месяцев будут неть стройные холмы, разрезанной носом лодки. Возле самых бортов ее вдруг выскочит верная рыба, у нас приготовлены удочки, переметы, верши и донце тресней. Есть у нас и охотничьи ружья. Привито будет поохотиться и порываться на этой дивной реке.

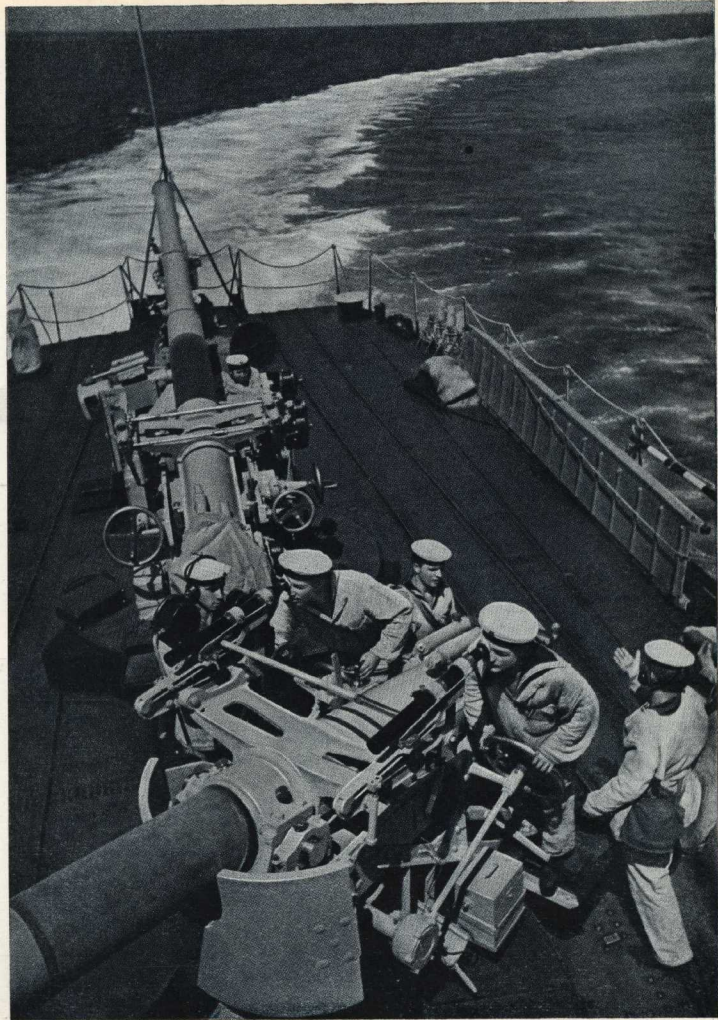
Но, кроме отдыха и охотничьих забав, нам предстоит выполнять исторические задачи и геологические обязанности, собирать тонкографические съемки горючих и нефтяных и минеральных, собирать гербарии. К этой работе нам придется готовиться еще раньше весны.

Учавшие это класса 7-8-и московской школы:

У. СЕМЕНОВ, А. МЕЛЬНИКОВ, Ю. ДИМИН,
И. РОММ, Ю. ВИХЛЕВ, В. УСАКОВ, Э. ГА-
ВАНЦ, И. ЯНИНА, А. ЯКОЛЕВА, В. СТАН-
КЕВИЧ, А. КУВШИН, А. МЯЛЮКОВА.

Школьники-туристы на привале, у костра, во время одной из своих загородных прогулок.
Фото И. Гунцова.

Боевая тревога.

Фото М. Прехлера.

ВЕЩЬКАЯ ВЕЩЬКАЯ

Цетрагата морей и два океана омывают берега нашей родины. Длина ее морских границ составляет 47 тысяч километров. «...это все! всегда наперед считая, государство не должно быть крепкой, слышим!» (Молоотов).

С огромным воодушевлением народ строит могучий Воено-Морской Флот, соответствующий интересам государства.

Социалистическая индустрия вооружает флот новой чудесной техникой. Родина посылает во флот лучших своих сынов, готовых отдать свою жизнь за советскую отечину, за честь советского флота.

Русские — прирожденные моряки. История нашей родины, ее успехи и победы неразрывно связаны с морем. «Русский флот, начало которого почти общезвестно, относится к сравнительно позднему учреждению, основанному Петром Великим», — пишет один английский писатель. — «Вместе с действительности большие права на древность чем флот Британский. За столетие до того, как Альфред построил британские корабли, русские суда сражались в отчаянных морских боях, в тысячу лет тому назад первыми моряками того времени были они, русские».

История хранит память о походах лодочного флота под водительство Аскольда и Дира в IX веке. Известно также о подвигах русских мореходов под командой Олега и Игоря у берегов Византии. В обмываемых льдами, не приспособленных к плаванию в открытом море, русские водили торговые суда по Днепру и отважно пересекали морские просторы, появляясь там, где не окисил жар.

Но раз русский лодочный флот выступил в бой с массовыми кораблями, то и в дальнейшем сосредоточился по последнему слову тогдашней воено-морской техники. В большинстве случаев враг, опешивший неуязвимыми подвигами русских моряков, бегом оставлял победителям корабли и пленных.

Отвага и смелость, изумительная выносливость, чувство товарищества и твердость воли принесли русским морякам славу лучших мореходов того времени.

В петровские годы Россия становится мощной морской державой. Молодой Балтийский флот в первую же кампанию покормил себя боевой славой. В 1714 году в битве у Гангута балтийцы наголову разбили шведский флот, господствовавший в Балтийском море, а затем в 1720 году в сражении при Гренгаме завершили военный разгром шведов на море.

Дальнейшая история русского воено-морского флота полна боевых, героических дел на севере и на юге, на западе и востоке. Чесменское сражение, в котором русский флот, состоявший из 9 кораблей, фрегатов и нескольких судов малого тоннажа, уничтожил 16 неприятельских турецких кораблей, 6 фрегатов и свыше 50 малых судов; в котором в 1790 году в битве при Нахимове полностью сестрелов флот турецкого султана; оборона Севастополя от осовенных сил англо-французских интервентов — все события военного прошлого нашего народа.

С победой Октября открывается новая страница в истории нашего героического флота. Верные революционным традициям «Потемкина», военные моряки с оружием в руках выступают за власть Советов, на защиту советской родины от белогадариц и интервентов. Балтийский флот активно участвует в Октябрьском вооруженном восстании. Крейсер «Арлекин» обстреливает со своих орудий Зимний дворец — последнюю цитадель буржуазии, — а отряды моряков вместе с красноармейцами берут его штурмом.

В феврале 1918 года Ленин подписывает всероссийский декрет о создании старого флота и о создании нового, Рабоче-Крестьянского Красного Флота. В советском народе, в сердцах моряков этот декрет вызвал восторженный подъем. Моряки, уходящие в отпуски, с нетерпением возвращались на боевые суда. Во флот шли добровольцы.

В это время основные силы Балтийского флота находились в Гельсингфорсе, куда стигавший флот из Финляндии посылался. Из Гельсингфорса флот выдвинулся в Финляндию, чтобы вывести флот в Кронштадт через Финский залив, скованный сплошным льдом. И балтийские моряки, руководимые большевиками, истребили морскую пехоту царского режима, которому не вняло воено-морская история. Они сохранили нашей родине 211 боевых кораблей.

В то время основные интересы сосредоточены крупными силами в Балтийском море. Красные балтийцы вступили с ними в борьбу, проявив исключительный героизм и мужество. 4 июня эскадренный миноносец «Арлекин» и «Гарин», обнаружив 3 английских миноносца и подводную лодку, начали бой. В результате сражения была потоплена английская подводная лодка «L-59». Несколько позже советская подводная лодка «Пантера» потопила английский эскадренный миноносец «Ваттрон». В 1919 году операции у Видзды, где советские эскадры и десантные части Красной Армии отбросили врагов далеко назад, была ликвидирована база белогонимых банд на Ладожском озере.

В эти боевые месяцы английский флот потерял 4 тысячи кораблей, в том числе один крейсер и 2 эсминца. 11 кораблей получили повреждения.

Росла и крепла Советская страна, строилась Красная Армия. Вместе с ней рос Рабоче-Крестьянский Красный Флот. Волею судьбы в укреплении его боевой мощи сыграл Ленинский комсомол, создавший в 1924 году Рабоче-Крестьянский воено-морской флот.

Сталкиваясь с препятствиями, дали возможность перейти от восстановления законсервированных и модернизированных старых кораблей к строительству новых, современных боевых кораблей всех классов. Прошло немного лет, и в глазу советского правительства товарищ Молотов заявил с трибуны первой сессии Верховного Совета СССР: «...этот теперь воено-морской флот: Балтийский, Черноморский, Северный и Тихоокеанский».

Современный воено-морской флот в высшей степени оснащен разнообразной техникой. Он предназначается для активных наступательных действий в открытом море и у побережья противника, а также для активной обороны укреплений районов и баз и ликвидации в себя мощные линкоры, тяжелые и легкие крейсеры, эскадренные миноносцы и лидеры, бронированные торпедные катера, подводные лодки, авиацию, минные заградители, авиационные торпедные корабли и вспомогательные суда.

Наш доблестный Красный Воено-Морской Флот ныне имеет в своем составе корабли всех классов.

Основная наука высокой техники, командный и краснофлотцы советских воено-морских кораблей не покладая рук работают над укреплением боевой мощи флота.

В 1929 году, во время конфликта на КВЖД, Амурская военная флотилия разгромила белокибитскую флотилию, уничтожив все ее корабли, за что была награждена орденом Красного знамени.

Вместе с героическими частями Ленинградского военого округа в разгоне белофиннов принимали участие Краснознаменный Балтийский флот и корабли Северного флота. Несмотря на исключительные тяжелые условия, советские военики оказали активную помощь частям Красной Армии: успешно применили белофинновские барьеры, уничтожили неприятельские транспорты, подвигами продовольствие и снаряжение, осуществили блокаду вражеского побережья.

За мужество и героизм в боях с белофиннами народ высоко оценил подвиги экипажей подводных лодок «С-1», «Щ-311» и «Щ-324». Правительство наградило их орденами и медалями. Капитан-лейтенант Ф. Г.

Вершинин и А. В. Трипольский, капитану III ранга А. М. Коныеву присвоены звания Героев Советского Союза.

Впервые в истории Советской А. М. Коныев совершил два боевых похода на подводной лодке в суровых зимних условиях. Ему удалось прорваться через минное поле неприятеля и атаковать вражеские корабли, захватить с военными грузами, пошедший под охрану боевых кораблей. Доблестный экипаж подводной лодки, которой командовал Герой Советского Союза капитан-лейтенант Трипольский, подвигами и мужеством обеспечил пополнение торпедной белофинского военого транспорта, был атакован двумя вражескими самолетами. Враги были уверены, что им удастся уничтожить торпедную подводную лодку. Но слабые моряки встретили воздушного врага артиллерийским огнем. Один неприятельский самолет был сбит, второй торпедно остался в море.

В операциях против белофиннов успешно участвовали вместе с линкорами крейсер «Киров» и новые миноносцы — гордость балтийских моряков.

Силою и решительно действовали морские летчики. Современная боевые полеты днем и ночью, они успешно бомбили корабли неприятеля и уничтожили десятки важнейших объектов противника. Эскадрилья Героя Советского Союза В. И. Ракова отважно выполняла боевые задания в море, когда температура падала до 50 градусов ниже нуля. В такие дни финская авиация даже не появлялась в воздухе. Ни пилотский загарадный огонь, вражеской зенитной артиллерии, ни суровая непогода, ни авиация неприятеля не могли помешать славным балтийским летчикам в выполнении боевых заданий.

Боевые традиции нашего советского военики моряки и морские летчики свято хранят лучше традиции нашего революционного флота и умеют с беззаветной храбростью драться за Родину, за дело Ленина — Сталина. Море болело смелых, мужественных людей. Моряки всегда отличались решительностью, твердостью и отвагой. Эти благородные качества особенно нужны военикам морякам. Идет ли речь о боевом походе эскадры в штурм к далекому берегу, о трудном переходе подводной лодки в морской пучине, о молниеносной атаке торпедных катеров или о действиях морской авиации — всюду и на каждом шагу море требует от военика моряка высокого выучки, смелости, твердости, беззаветной преданности родине.

Всякая честь и великое счастье есть красноречиво, стойкость на вахте морских рубежей нашей страны.

Славная советская молодежь, воспитанная парней Ленина — Сталина, стремится ко всему героическому. Она горючо любит наш Воено-Морской Флот. Многие юноши, еще сидя за школьными партами, мечтают о боевом плавании на боевых кораблях. С нетерпением ждут дня призыва. Но не все они достаточно деятельно готовятся к поступлению во флот. Между тем задачи подготовки овец велики. Необходимо хорошее общее развитие, чтобы быстро ориентироваться в корабельной технике, во всем специальностям, а их во флоте — 42. Нужно хорошее физическое развитие. Парусный спорт, гребля, походы на шлюбах и байдарках, соревнования пловцов — все это воспитывает выносливость и смелость, закаляет тело, делает его ловким и сильным.

Патриоты, воспитанные в революционной борьбе, хотят быть готовыми к тому, чтобы пролечь на море советские орудия, делыми с юных лет изучать основы трудовой, но очень увлекательной профессии моряка.

НА СЕВЕР

РАССКАЗ

Где-то в центре материка уменьшилось атмосферное давление, и с холодных просторов Арктики туда потекли огромные массы воздуха, нагнетанного вечным льдом. Обращаемые вращением земли, они, плавно меняя направление, передвигались с севера по широкой дуге, все ускоряя движение.

И это называлось ветром.

В плоской равнине туман он вздымал в небо слезливую пыль, крутя ее и слепя и белесую пелену, кокашинуемую вешним льдом. Полярной ночью. Южнее, в лесам, он вым в голах сухих и свистел в ветках, стоня тонкие молодые сосны и обильная мочуши ели их вешние многочисленные лапы. Он вырвал с корнем те деревья, которые, утратив уже и гибкость молодости и стойкую силу яркости, самостоятельно подставляли его ярости широкую свою дугу. Вывороченные из земли их корни вздымали к небу бесплодную жажду уловатых, одригшихся корней, и вояние массы холодного воздуха пролетали над ними, вырываясь в узкой простор замерзших озер, поодиночке болел на реки, нарезанные кусками — дождных финских озер, сплывших скалами. По этим мелким коридорам, паразитирующим десные массивы с севера на юг, Арктика мчала стидливой своей воздух к морю.

Здесь, в туманном кружеве прибрежных шхер, ветер собрал в одно невидимое грозное целое его разрозненные отряды. Ровной стеной быстро несущегося холодного воздуха Арктика проносилась над Балтийским морем, и сгущая невидимая его вода, годова вот-вот загустеть и обрешит в зедельватые льдины, заморозилась. Вышеле волком воды были плавания и спожойны. Но едва образовались первый ровный холм первой волны, воздух, мчавшийся над нем, тотчас вздувался еле безупречную форму. Он сплывал вершину волны вперед, он утолщил ее поперек и образовал гребень. И когда новая волна подняла свой выгнутый горб, она стала выше, круче и злее. Так выжались штормы.

Это был жестокий виварский шторм — дикое бешенство воды, насильственно выправленной из сладкого предосновия льдом.

Густая и тяжелая, малая недвижимо холодом замарзанная вода, праведная ветром в движение, была страшна. Она перестала подходить на самое себя. Живая и текучая ледом, она превратилась теперь в гнетущие волны, большие похожие на ругуты — тусклые, пылые,

нерасчетные. Обрушенная гребнем, она не гребня белая легкая замарзанного воздуха: гребень волны падал целиком, как лист какого-то странного, вялого металла, гнущегося от собственной тяжести, и удары этой тяжелой, вешней массы несли в себе огромную силу разрушения.

Но разрушать было нечего. Шторм продолжался не первые сутки, еще тогда, когда он был в возрасте девяти баллов, корабли уже не рисковали выходить из портов, а те, кого он застал в море, успели уйти под прикрытием берега. И когда утром того дня, в который шторм достиг предельной силы, далеко от земли вышавшо всплыла подводная лодка, она была единственным кораблем на всем пространстве Балтийского моря, от озера Воткинск до южных берегов.

Это была маленькая подводная лодка из тех, которые краснофлотцы дала вешние и дикое не ни самотолка. Среди волнших гор она была бесконечно мала, так мала, что в момент всплытия целиком пряталась в гребне волны. Гребень утнул — и она выдувалась из волны, как мышь из лапы. В следующий же момент, потрясенная под льдом бортом опорой обрушившегося гребня, она легла на борт в смертельном крене, скользящая в провал междуги вылами, вылилась новой волной и несла. Эта волна, ударившая ей в борт и увеличившая крен, вероятно, ее перевернула, потому что дождое время лодки не было видно.

Но потом в тусклой ругуте воды опять блеснул крепкий, упругий металл рубин. Теспер он распорот волну от гребня к подножию, и яростная мощь воды встретилась не борт, а уцелевшие обломки образования носа. Волна смогла теперь лишь задержать ход лодки и облить ее холодной плотной водой, наварил палубу и рубку. Но едва послышался ее стур, журча, скатилась с мостика, как отмыкалась крышка люка и из него вышел (вернее, вылез) выжиравший и остался один на один с небесившимся Балтийским морем.

Прежде всего он осмотрел горизонт. Горизонта, собственно, не было: была черная колчанная, зубчатая линия воды, исключая возможность появления какого-либо корабля. Потом он свил пробку перерогворной трубы и слышал несколько слов внутри лодки. Лодка отозвалась легким поворотом плавуса новой волне, и та прокатилась вдоль плавуса, ударив

в носовое орудие и залестру только несомко ступенями струй на крышу рубки и на человека. Он пожелал, опустил на затылок верх кожаной, подбитой мехом шапки, открыл заднюю люк и с'сна намерился к перерогворной трубе. И тогда из отходной трубы сзади рубки с легкими рожочущими взрывами потонул синий дымок, изогнуво срывавший ветром. Это означало, что там, внутри лодки, заработал дизель, сменил усталые электромоторы в трудной работе вращения гребных винтов. Это означало также, что в годание аккумуляторы, отгнавшие всю свою силу за долгое подводное плавание, победили спасительный ток, некачивая в них с каждой минутой электромоторно — борону мощи подводной лодки, без которой она превращается в неудобный и беспомощный подводный корабль. Это означало победу.

И, может быть, поэтому человек на мостике поднял к кружной махте и подвал на ней флаг. Он был маленьким, морским, и красная звезда на нем почти потеряла цвет, так же как сера и мехот. Но это был боевой флаг страны, посланной лодку в трудный и опасный поход, и это был единственный флаг на всем пространстве Балтийского моря, развевавшийся вестком виварским штормом, загнанным большие корабли в галапи. Флага не мог видеть никто, кроме самого командира. Но, вероятно, именно ему было жалко всего жалеть над собой этот флаг, а те долгие часы, которые он собирался провести здесь один, обещая лодку от шторма и возможного врага.

Он приглядел к борцу рубки, стараясь найти место посуше и поближе около самого входного люка, готовый заложить его, в случае если волна накатит на рубку, или занесут в нем со всей быстротой, какую позволит ему теплая одежда, в случае если в наступившем море появится неадекватно корабль.

Сперва ему было жарко. Но не от того, что, надел на себя все возможное для встречи с сорогатрудным морозом, он был выжидательнее некоторого времени оставаться внутри лодки после первого неудачного всплытия: в лодке было больше чем прохладно. Долгое время она шла под водой, укрываясь от шторма в спожойной глубине недвижимо льдистой воды, недоступных самому дикому ветру, и тонкие ее борта витали в себя все стойкий холод глубины, передавая его людям. Лодка

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ МОРЕХОДНУЮ КНИЖКУ...

Когда экипаж «Седова» вернулся на материк, нас буквально засыпали поздравительными письмами и телеграммами. Писали отовсюду: с арктических зимовок, из глухих деревень Западной Белоруссии, из кочевий Казахстана, с берегов Тихого океана, из горных селений Армении. Писали все: красноармейцы, ученые, колхозники, шахтеры, школьники.

Тысячи людей обращались к нам, как к своим близким друзьям, делились своими переживаниями, выражали желание принять участие в новых, хотя бы самых трудных экспедициях. Писали эти липный рад доказывают, что СССР — страна прекрасной дружбы и настоящего товарищества.

Но вот однажды и получила скромную открытку с иностранными почтовыми марками и штампом далекого провинциального городка Западной Европы.

На тоненьком картонном листке значилось всего несколько строк:

«Поздравляем славных героев «Седова» с благополучным возвращением на Великую Родину. Своими подвигами Вы показали всему миру, на что способны люди Страны Советов. И в дальнейшем искренно желаем успехов в Вашей работе на пользу всего человечества».

Молодые друзья Вашей Родины...
Невольное чувство законной гордости охватило меня: где-то там, в западно-европейском захолустье, наша победа вышла на живую открытку.

Я меньше всего был склонен видеть в этом письме признание наших личных заслуг. Нет, не случайно наши незнатные молодые друзья пишут слова: Великая Родина — с большой буквы. Успех седовцев в их глазах — новое водтверждение силы и могущества родным трудящимся всего мира.

Авторы письма из лондонских букобуждений не указали ни своих фамилий, ни адресов. Как много таких безымянных друзей приходится встречать в портах и гаванях чужих стран по всему миру! Незнатных пассажиров на судах Состорофлота, Украйной, тайком они приходили на пароход, осматривали все горючины от возбуждения глазами, стараясь заглянуть в самые потайные детали корабля, привнесшего из легендарной страны, где нет ни бедных, ни богатых, ни безработицы, ни эксплуатации...

И, перечитав открытку, полученную из далекого уголка Западной Европы, я невольно потянулся к своей мореходной книжке, чтобы вновь, как когда-то в дрейфе, перелистать ее страницы, вспомнить о волнующих встречах, о друзьях, которых мы приобретаем в чужих портах.

* * *
«Леонид Краснин. Дальнее плавание — Мурманск — Ханггер (Норвегия) — Штеттин (Германия) — Антверпен (Бельгия)...»

Вспоминаются хмурое декабрьское небо, несложное Северное море, живописные фьорды Норвегии, старинные чокорные города, выстроенные в готическом стиле.

Ирче всего мне запомнился один эпизод из этого плаванья — ночь под рождество, проведенная в Антверпене.

Мы пришли туда на рассвете в солнечный. Над живописной Шельдой, в устье которой раскинулись Антверпен, висел густой туман, и даже самые опытные лодчики отказывались вводить «Леонида Краснина» в порт. Пришлось бросить якорь и ждать, пока прояснится хотя немного.

В белом, слепом молоке, тумане справа, слева, вперед и назад тревожно звонили судящиеся рыцари: корабль опасается столкновения, дайнам друг другу задать о себе.

Время от времени гулко раздавался сильный голос нового пришельца. С трюмом падала в воду якорь, замурал плеск воды, и снова же ко всеобщей разглагольствованию присоединялся тоненький голосок еще одной рыцаря.

К трюму туман несколько рассеялся. Мы осторожно вошли в гавань и заняли место у причала. Лодки и умелье бельгийские грузчики быстро занялись за дело, и скоро на берегу выстроили целые горы железорудных комки, вывезенного на трюм «Леонида Краснина», — это был наш хибаргорский антрацит.

Мы рассуждали, что вскоре выгрузка закончится и пароход покинет порт. Но ровно в два часа дня грузчики прекратили работу, и коммерческий агент с некоторой торжественностью сообщил: «Сегодня накануне рождества Христова, и наши рабочие должны встретить праздник в семейном кругу. Выгрузка закончится послезавтра. Счастливого рождества!»

«Делать было нечего. Побродив немного по городу, принявшему уже традиционный вид, после в кафе, мы возвратились в порт».

Поднимаюсь по трапу, и бросаю взгляд на причал. Там дождет величавая странная фигура: какой-то человек, одетый не по сезону легко, видимо, хотел подняться на советский корабль, но не решается это сделать. С толпой измученной публики вода. Мокрый пиджак прилип к костлявой груди, на худой шею болтается галстук, похожий на тряпочку.

— Вене госту...
Человек не заставил себя ждать. Он быстро вылезал по трапу. За время странствований по чужим портам нам не раз приходилось встречаться с голландцами безработными, поэтому мы сразу же отвели гостя в камбуз, накормили, дали возможность обсушиться и, как водится, разговорились.

Наш гость, по специальности механик, а был родом из Антверпена, не то артезианец, не то бриллиант. Когда его пароход прибыл в Антверпен, механик заболел. Капитан без долгих разговоров спас больного на берег. Нашу новую работу совсем не так просто. А для того чтобы добраться на родину, нужны деньги. Стараясь получить обещанные безработное положение, механик вытаскивал из кармана потертый паспорт. Из него торчала 60-франковая ассигнация.

— Это, браток, приторопешен! — воскликнул кто-то.

— Говорят: есть нечего, — а у самого билета по 50 франков, — добавлял другой.

Гость с недоумением поглядел на намурившиеся лица своих собеседников и догадался, в чем его подозревают. Путья слова, сбивавшись, он рассказал историю этой ассигнации.

Оказывается, в Бельгии существует закон, призванный «сохранить благосостояние безработных». Каждый безработный иностранец обязан иметь при себе паспорт. Если у него 50 франков, то этот денег у него нет, его забирает полиция и отправляет в трудовой лагерь. Получая за труд какие-то гроши, он должен в этот лагерь выносить деньги, а там вытаскивать на билет третьего класса до ближайшего порта своей страны.

— И вот... — говорил, волнуясь, безработный, — я решил, что лучше всего так. Я его прихватил, чтобы не было соблазна истратить.

50-франковый билет, действительно, был выкормо приложен к обложке паспорта. С краешек он был потертан: видимо, в трудную минуту его владелец пытался нарушить свой зарок.

«В полночь я встал на вахту. В порту было тихо. Над островерными крышами Антверпена в розовом тумане играли огни пестрых реклам».

На дуние было гадко и тошнливо. Я молча прохаживался по палубе. Рядом с антрацитом Краснин сидел тот же рыцарь шведской корабля «Старт». По палубе его толкал вахтенный. И ему, видимо, было не по себе.

Я оклеветал его, и мы разговорились. Иностранцы моряки удивительно быстро сходятся с советскими, и через четверть часа широкочелюст селой шед был уже на борту «Гарьета». Ему очень хотелось воочию убедиться, как живут матросы на корабле, принадлежащем СССР, и вахтенный решил воспользоваться тем, что на его судне все спали.

Старуку хотелось знать буквально все, и как нас кормят, и где мы отдыхаем, и сколько нам платят. Я осторожно проявил его в кубрик, где спали мои товарищи. Держа в руках карманный фонарик, шед воочию открыты за открытием: на иллюминаторах висели толстые занавески, койки были застланы простынями...

— Это все они обещали покупать за свой счет? — оспаривал мой собеседник.

— Нет, это дело государственное... Швед качал головой и вполголоса. Когда же он вышел на палубу, он вдруг спросил меня:

— Как ты думаешь: кто? Я не понял вопроса. Он повторил: — Кто? Я? Какая у меня должность?

Косеблющийся свет фонаря озарил морщинистое, обветренное лицо, тинчично лицо старого морского вола.

— Бодман, — без колебания ответил я.
— Шел позвать и в город, хосмакелас:
— Ты почти прав. Я действительно боялся. Но... — он замеслся, — Сейчас я юнга... — Юнга?! — воскликнул я с удивлением.
— Юнга... У нас в Штатах есть хороший закон о нормах заработной платы. Установлен минимум заработка для каждой квалификации. Чуждесный закон, не правда ли? Но так вот, капитан честно соблюдает этот закон. Ни напнем «Стар» вкостить жет и один матрос. И это все коммандо...

Он безнадменно махнул рукой и молча ушел с парохода. Я долго глядел ему вслед, но никак не мог уловить какой-то смысл, который на слухе лег вынужден плавать юнгой.

Треним рассказали нам Антернером. Еще утром засыпали огни реклам.

Еще одна запись: «Рыболовецкий тральщик «В». Длинное название — Денциг-Видланосток». Это — мое первое плавание вокруг двух частей света через тропики. О нем можно было бы написать очень много. Возможно было бы описать 11-балльный тропический муссон, который гулял нас от Бабы-Мандебского пролива до самого Коломбо, ввирывая углый тральщик так, что вода хлестала даже в дымоустье трапа. Возможно было бы рассказать о соловьях Манде — удивительном городе Филиппин, где тропическая линия заканчивается на олуше тропических джунглей, а небоскреба стоят рядом с жалкими глиняными вышка туземцев.

В этом рейсе я был свидетелем одного драматического эпизода, который навсегда останется в памяти. Я кружил берегом это воспоминание, как боец оружие. Оно будит во мне жгучую ненависть к врагам трудового человечества, и когда-нибудь в грядущих боях я еще боецусь с ними за честь той униженной рабочей семьи с которой пришлось познакомиться в страшную весеннюю ночь 1930 года.

Дело было в Данинге, старинном немецком городе, который в то время числился так называемым вошным городом, а на деле был превращен в жалкую колонию бывшего польского государства. Стремись задумишь Денциг экономически, польки искусственно раздували значение созданного ими порта Глины и в то же время всецело ограничивали промышленное развитие данингских нефть, предпринимай, порта. Естественно, что рабочие Данинга, восточно оставшиеся без работы, были доведены до крайней нищеты.

Мы об этом знали. Но одно дело, когда знаешь о чем-то из газет и книг, и другое, — когда в этом убеждаешься воочию.

Погожим весенним вечером, незадолго до отхода нашего тральщика, я с группой товарищей отправился на берег. Зашли в кафе, зашли в данинг. Я танцовал, увы, неважно и потому неловко там задержался. Решил пройтись по городу; и очень любознательно знакомился с новыми городами, я открыл, как новые книги. Со мной пошел котлый стоял рядом с нашим тральщиком. Мы познакомились с этим котларом в кафе, обзаваясь с помощью известных нам немецких и французских слогов.

Наш новый знакомый узнал, что мы представляем той страны, о которой так много говорит на всех языках мира. Глаза американца засыпали, он начал хлопать нас по плечам, упоминать пивом, — словом, проявлять все доступные морскую знания внимания. Я, как мог, удовлетворял его любознательность, рассказывая то о пшеничке, то о колхозах, то о соцстрахе, то о комсомоле. Переводить эти слова было дьявольски трудно, но он как-то угадывал улавливать их смысл.

Теперь, когда я узнал из данинга, новый знакомый догнал меня и снова начал допытывать расспросом. Он внимательно слушал, изумился, снова хлопал меня по спине, опять внимательно слушал. Мы бродили несколько

часов. Обойли почти весь город, начиная от порта и кончая узенькими средневековыми улочками в наиболее старой части города. Время близилось к полудню. Фонари гасли. Давнякне замарало.

И вдруг я заметил, что моим спутником овладело какое-то безожество. Он уже почти не слушал меня, все время отглядывая по сторонам и что-то вскаки. Я спросил, что с ним. Он пробормотал в ответ:
— Грау... Miss... Mademoiselle...

Я все понял. Мне стало обидно за потерпевший вечер: этот пареня после всех разговоров о нравах и достоинствах человека собрался купить женщину так же просто и легко, как три часа тому назад покупал кружку пива...

От потешного фонаря отделялся какой-то тени. Бледный свет луны озарил изможденное лицо. Тень камулась и снова спряталась. Но мой спутник уже заметил ее и вынул из карманку. Я расслышал его деловитый вопрос:
— Виней?

— Zwei marken, — деловито предложил мой котлар.

Еще сильнее раздалось обреченное:
— Gut...

Чувствовалось, что здесь произошло что-то непохожее на обычную сделку. Женщина с трудом стояла на ногах. В лучшем свете блеснула ее глубоко ввалившие глаза, налитые слезами. И вдруг она поочувствовала, очутила и упала.

— Дурни! — ало сказал своему спутнику. Как ты смеешь!

Я послал его в аптеку, матовый шар котлый мерил неподалеку. Через две минуты котлар пригнулся обратно с флаконом и наптарного спирта. Очумавшись, женщина в первое мгновение испуганно отшатнулась от нас. Смущенный американец силится помыслить слова извинения, но она перебила его:
— Я не это ренчалась. У меня нет другого выхода. Но я не могу...

И женщина замеслась слезами. Выход, в каком она тяжелом состоянии, мы предложили проводить ее домой. После некоторых колебаний она согласилась, и мы пошла вслед за ней.

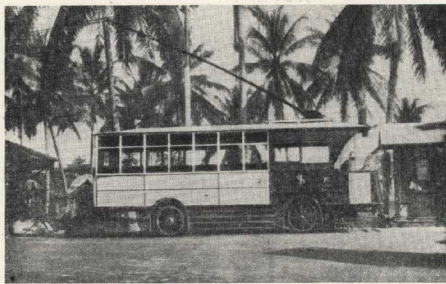
Пшли долго. Асфальтированные площадки и проспекты фашенебельного центра остались далеко позади. Дома становились все меньше, улицы все хуже, места все пустынные.

Вокруг царил неприглядный мрак. Было тихо. Казалось, мы идем какими-то страшными вымершими городком, и вольновольно отстранялись от себя. А женщина вела нас все дальше и дальше. Наконец, на самом краю какой-то грязной улицы, среди ветхих деревянных зачуч, она остановилась. Печка нами была покосившаяся, подселенный дом — само воплощение нищеты и ужобства. Далекая мрачная фантазия художника Тойн не могла бы изобразить более жуткий и страшный вид эта развалина с выбитыми стеклами и полуразрушенной крышей.

Женщина вырвала в подвале. Я достал карманый электрический фонарик и осветил изломанные деревянные ступени. За всю дорогу мы с котларом не перекинулись ни одним

На улицах Порт-Саида.

Синапур. Конечная остановка троллейбуса.

словом, но я чувствовал, что ему не по себе. Когда луч фонарика скользнул по его лицу, я увидел, как оно побледнело.

Поднявшись по скрившему ступеним, женщина распахнула дверь в тесную каморку. Колобосилы осып свечи озарила две кровати. На одной из них спали двое детей, маленькие, сморщенные как старички. На другой — лежала выжидательная, худая женщина, видимо, их отец. Он накрыл лицо простыней и стараясь сделать вид, что спит, но тело его содрогалось от страшного приступа кашля.

Подавленные этим мрачным зрелищем, мы молча отступились в порога, раздумывая, что предпринять, роясь в своих карманах. Но женщина, видимо, по-новому поняла это молчание. Она быстро прошла к соседнему входу в простую стеклянную дверь и начала расстегивать платье. Мой спутник резко взмахнул рукой и крично проорчал, косясь на спящих детей:

— Спой!

Женщина задрогнула и беспомощно посмотрела на него.

— Тысяча долларов! — бормотал когегар, прокладывая путь к карманам. — Возьмь, что этого будет мало...

В руках у него было несколько долларов и гульденов. К счастью, я оказался немного богаче, и обидный свисток скарману вынул несколько десятков марок. Когегар неловко сузил их женщине. Она машинально взяла и неуверенно поглядела на нас. Но не успев я вымолвить слово, как она крепко схватила в кулак полученные деньги, быстро выбежала из каморки.

Мы вышли вслед за ней и осторожно спустились по лестнице. На улице мы снова увидели женщину: она стояла в запертой двери бакалейной лавочки и превращалась от волнения голосом улюлюла:

— Ради бога, откройте... Молока, маргарину в расу... Ради бога, откройте... Молока, маргарину, расу...

Мочка мы шли до самого порога. Просясь, когегар грубовато покачал мне руку и в вопросный тонко не говорил о том, что он даром отдал свои деньги неземной женщине: он опасался, что над ним будут смеяться.

* * *

И еще записк: «Пароход «Яна». Дальнее плавание — Одесса — Порт-Сана — Коломбо — Сингапур — Кидун (остров Формоза) — Александровск на Сахалине».

БЕКАС

Мнѣ тѣло брело вдоль болота, берега которого густо поросла камышом. На околу ми вышлн ругом, а сейчас солнце стояло уже над головой, но никаких тѣрѣнов ми не имело.

«Даже никакой утки! — огорченно думала я. — И каждый раз так!».

Позавчера ходила на гаухарей и тоже вернулась домой с пустыми руками.

На болоте кричали бекасы, кулики, а уток не было и в помине.

— Дайка молочкаберку! — проговорила отец. — Хотѣ бекаса подстрѣлить. Все равно крупнее дичи не попадаются.

Он опустился на колѣно и выстрѣлил в бекаса, который беззаботно прохаживался по берегу. Бекас тронуть не успѣла, упала на бок и, припадая к земле, побежала к болоту.

Я бросился ему наперерв. Но он оказался гораздо проворнее меня и, врезавшись в болото, он ушел, а в порывном расхождении от берега. Однако это меня не смутило, и я сразу же бросился в болото.

Воды уже доходила мне до пояса, когда я понял, что в воде бекаса не поймать.

Нужно было выследить, когда он подпавнет к берегу.

Поймать его удалось только к вечеру. Бекас жабовидно раскрасился, рот и трюм кричал на своем пичьем языке. Пуля, оказывается, только сажка содрала кожу на его ногу и чуть повредила сухо-

Теперь в памяти встает безрадостный пещачий остров Перм, затерянный в Бабь-Майдоском проливе. Ни дерева, ни кустика, ни травинки, один лишь вырубленный лесос, расщелин, но добла безжалостным армянским войском. На острове склад угля, цистерны с пресной водой, завод искусственного льда, рестораны. Все это принадлежало англичанам. Англичане живут в Лондоне. На острове Перме живут арабы. Арабы делают доллары для англичан.

И вот к острову Перму подходит гигантский пароход, корме которого развѣсаны красный флаг с серым и молотом. Все в порядке: капитан парохода платит фунты стерлингов, английская база отпущает уголь и лед. Но администрация базы отпущает одну деталь, о которой настоятельно напоминает красный флаг, развѣсывающийся за кормой: пароход «Яна» принадлежит СССР, и его палуба является частью советской территории. Вот что происходит в результате этой забавности.

Буксир подталкивает к борту «Яны» баржи с углем и ящиками, наполненными льдом. Толстый, заспанный от пота надсмотрщик карабкается по тросу и бесцеремонно раскопывает уго трюмного люка. В руке у него длинный бич.

На палубу забегают трюмной рымсой грузчики. Они совершенно обожены, лишь граммы трюмным прикрывают их худые лица. Тощие спины гнутся под тяжестью корзин, наполненных углем. Ипаная заунывную ритмичную песню, грузчики прываливают, раскартаными движениями опрокидывают корзины в бункер и сбегают на баржу за новой порцией.

Надсмотрщик сердито покрививает на своих подчиненных. Но вот один из них сползнул вниз и на минуту исчез с рымсы на шаг.

И тут разгрямается точно такая же сцена, какую довелось тогда видеть в Большом театре, в балете «Красный мак». Надсмотрщик, выходя из бункера, бич свывает с тощей спины грузчика доску корзин.

И вот словно вихрь взметнулся над палубой. Со всех сторон бегут советские моряки:

— На советской территории бьет!

— Прана не имейт!

— Долой его!

В одну минуту наши рослые ребята подхватывают нитку, расклинают его и бросают с борта на баржу, прямо в трюмную угольную палубу. Но после этого не все так просто, плетется, но сдаться ничего не может.

Грузчики-арабы, пробегая мимо нас по палубе, шепчут с благодарными улыбками:

— Русск... русск... болыенны!

Эти слова имеют для нас большое человеческое, товарищеское и благодарственное значение.

* * *

Я был еще юношей, когда впервые познакомился с чужими портами. Дальние плаванья, о которых я мечтал с детства, являлись мне несбыточными мечтами. Пальмы Сингапура и зеленые заманчивые картины тропических штифов, поэтические образы благородных мореплавателей, увлекательные эпизоды борьбы со стихией. Но после первого же из дальних рейсов я почувствовал, как быстро лихнет пушок моей полудетской, книжной романтики. Не было в природе просто отважных и простых трусливых людей. Жизнь была чрезвычайно сложной и разнообразной. Джек Лондона, Луи Буссонера, капитана Марриата, и романтика жизни были ничто, неслая книжка. Она была богата, интересна, но в несравненно большей степени и поучительна, как быстро лихнет пушок моей полудетской, книжной романтики. Не было в природе просто отважных и простых трусливых людей.

Я был еще юношей, когда впервые познакомился с чужими портами. Дальние плаванья, о которых я мечтал с детства, являлись мне несбыточными мечтами. Пальмы Сингапура и зеленые заманчивые картины тропических штифов, поэтические образы благородных мореплавателей, увлекательные эпизоды борьбы со стихией. Но после первого же из дальних рейсов я почувствовал, как быстро лихнет пушок моей полудетской, книжной романтики. Не было в природе просто отважных и простых трусливых людей.

Я был еще юношей, когда впервые познакомился с чужими портами. Дальние плаванья, о которых я мечтал с детства, являлись мне несбыточными мечтами. Пальмы Сингапура и зеленые заманчивые картины тропических штифов, поэтические образы благородных мореплавателей, увлекательные эпизоды борьбы со стихией. Но после первого же из дальних рейсов я почувствовал, как быстро лихнет пушок моей полудетской, книжной романтики. Не было в природе просто отважных и простых трусливых людей.

Я был еще юношей, когда впервые познакомился с чужими портами. Дальние плаванья, о которых я мечтал с детства, являлись мне несбыточными мечтами. Пальмы Сингапура и зеленые заманчивые картины тропических штифов, поэтические образы благородных мореплавателей, увлекательные эпизоды борьбы со стихией. Но после первого же из дальних рейсов я почувствовал, как быстро лихнет пушок моей полудетской, книжной романтики. Не было в природе просто отважных и простых трусливых людей.

Жабо было расставаться с бекасом, но все-таки подстереть я понее его на болоте.

Солнце уже скрылось за горой, но еще было светло, когда я опустил его в яму. Казалось, что, погрузившись в воду, он смобно, он стремглав бросится от меня прочь. Но бекас совсем не собирался улететь. Он встал на одну ногу, почуяло толчок под себя другую, и обижено морщился, как мальчуган, выходящий из воды. Бекасы, как бы говоря: «Что ж ты, брат, покажи мне ногу, а теперь брось!» — мне стало невыносимо жалко его навалившегося, и слезы потекли по щекам до самого шнурка.

Он уже не моргал глазами, а только огорченно и нетерпиво смотрел на меня. Невольно у меня намерулись слезы от переживания чуждого. Я поднял бекаса и бросил его в болото.

С этого дня я так полюбил его, что прожизнил в свои долгие часы, наблюдая, как он чистит своим длинным клювом серенькие перышки.

Бедняжка ждал у меня до конца лета, пока не зажила его нога. Однажды утром, когда я, как всегда, вышел на двор, он влетел ко мне на руку и что-то быстро, быстро вылетел. Я взглянул вниз, и так же как в тот памятный вечер, на болоте, почуяло заморозка глазами. И вдруг он испоркнулся и быстро полетел в яму за небольшой стайкой своих соробратий.

— Прощай — захрюкал я ему вслед. — Прилетай на будущее лето!

Это давно уже порослоло повторить мои слова, а я еще долго стола неподвижно и смотрел вдаль...

В. ШУШЕВНИК

Горд Тапшент, ученик 9-го класса.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Приближается 120-летие со дня рождения Фридриха Энгельса. В связи с этой датой пора сделать достоянием самых широких кругов нашей молодежи страниц из воспоминаний друзей и современников Энгельса, которые в течение замечательной жизни великого основоположника научного коммунизма.

К числу таких воспоминаний относится и публикуемый ниже материал из рисунка юного Элеонора Маркс-Энгельса, написанный ею полстолетия назад, еще при жизни Энгельса, для венского журнала «Социал-демократический еженедельник». Элеонора Маркс была в переводе с немецкого языка (не большими со-кращениями).

Автор воспоминаний — младшая дочь Маркса, которому в семье Маркса именовали «Тусси». В ее семье Маркс был не чадал в Энгельсе, и после смерти отца обе дочери Маркса, Лаура и Элеонора, считали Энгельса своим вторым отцом. Особен-

но близка была к Энгельсу Элеонора, которая, и отличая от Лауры, постоянно жила в Лондоне.

В 1887 году Энгельс писал Келли-Виндгейской: «Я знаю ее (Элеонору Маркс.— М. Б.) с детства, а в последние семьдесят лет она постоянно была со мной. Более того, Маркс всегда мне забочился о его детях так, как он забочился бы о них сам.» И Энгельс, развиваясь, вспоминал заботы своего друга.

Элеонора Маркс-Энгельс еще в молодые годы была одним из «сестричек» своего отца, и тогда же стала убежденной пролетарской революционеркой. За несколько лет до смерти отца Элеонора поступила на должность учительницы одной из лондонских женских школ. Оттуда она была в 1883 году уволена, так как совершила непростительный, с точки зрения английских буржуа, грех: вступила в гражданский брак.

С тех пор Элеонора целиком отдалась участию в антимилитарном рабочем движении. Она была одним из самых активных организаторов большой стачки в лондонских доках в 1889 году; ей принадлежат место организации в Англии союза женщин-работниц, Элеонора Маркс была энергичным агитатором и журналистом, а также активно участвовала в работах конгрессов II Интернационала в 1889—1893 годах. Она пережила Энгельса только на 3 года.

Публикуемый очерк при всей его скудности вносит ряд ценных штрихов в портрет Энгельса. С любящим вниманием и любовью рисует Элеонора Маркс благородный облик Энгельса, его презрение и ненависть к тем, кто бегает от борьбы, в частности, его любовь к молодежи, его безгранично оптимистичность, его трагично-ую верность идеалам своего друга.

М. ЗОРКИНА

I

28 ноября 1890 года Фридрих Энгельсу исполнилось 70 лет. Этот день будут праздновать социалисты во всем мире. По этому поводу меня попросили написать для читательской «Социал-демократического еженедельника» краткую статью об объединившем волею нашей партии. Из всех разнообразных качеств, которые требуются для выполнения столь ответственной задачи, я могу претендовать лишь на одно: я знаком с Энгельсом настолько, что могу писать на свет... Но остается открытым вопрос, даст ли длительное и тесное общение с человеком возможность более правдиво его изобразить. Ведь из всех людей труднее всего нарисовать самого себя!

Для того, чтобы написать биографию Маркса в Энгельса — жизнь и творчество этих двух людей так переплелись, что разделить их невозможно — было бы необходимо не только написать историю развития социализма «от утопии к науке», но и историю всего рабочего движения на протяжении чуть ли не полу-столетия.

Эти два человека никогда не были только идейными вождями, только учителями, теоретиками, философами, стоявшими в стороне, отстраненно от повседневной работы и жизни. Они всегда были бойцами, всегда стояли на передовых позициях — они были и солдатами революции, и руководителями ее генеральным штаба.

Вехи жизни Энгельса в настоящее время настолько известны, что достаточно, пожалуй, их кратко напомнить. Его литературные и научные труды настолько известны, что какая бы то ни было попытка анализа их с моей стороны была бы попросту нескромностью; можно ограничиться лишь хронологическим обзором этих работ.

И хочу попытаться коротко рассказать об Энгельсе как человеке, о том, как он живет и работает, и думаю, что достаточно глубоко. Изучение такой жизни, как жизнь Энгельса, может только помочь нам в борьбе и вдохновляет нас, более молодых, идущих по его пути.

II

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 года в городе Барнеме, в Рейнской области. Его отец был фабрикантом. Но надо заметить, что Рейнская провинция тогда в экономичес-

ке ее обитавших. Фридрих должен был в этой семье казаться «гладким утенком». Возможно, что его родные и по сей день не понимают, что «утенок» этот был «лебеденком».

Одно является несомненным: всякому, кто слышал рассказы Энгельса о родительском доме, ясно, что жизнелюбность своим он унаследовал от матери. Его школьное обучение проходило, как обычно: некоторое время он учился в альберфельдской гимназии. Выбывавший от матери, Энгельс намеревался окончить университет, но этот план не был осуществлен. Он поступил в торговый дом в Берлине, затем служил вольнонаемным в Берлине.

В 1842 году Энгельс был послан в Манчестер, в Англию, для работы в предприятии, в котором его отец был коммисионером. Он пробыл там два года. Значение этих двух лет пребывания в классической стране капитализма, в центре крупной промышленности, едва ли может быть переоценено.

Возвращаясь в 1844 году в Германию, Энгельс остановился в Париже, где встретился с человеком, с которым уже состоял в переписке и который должен был стать его другом на всю жизнь, — с Карлом Марксом.

III

Первым плодом этой встречи было совместное издание «Святого семейства».

Из Парижа Энгельс вернулся в Бармен, но лишь на короткое время.

В 1845 году Энгельс следует за Марксом в Брюссель, где, собственно говоря, только и начнется их совместная работа. Наряду с огромной литературной деятельностью друзья основали «Немецкое рабочее общество». Самым же важным было то, что они оба вступили в «Союз справедливых», из которого позднее сложился известный «Союз коммунистов», закончивший свое существование в Интернационала.

Маркс в Брюсселе, а Энгельс в Париже в 1847 году стали теоретиками и руководителями «Союза коммунистов». Летом этого же го-

Ф. Энгельс и К. Маркс в Манчестере. С рисунка М. Жукова.

ском отношении далеко опередил остальную Германию. Энгельс происходил из весьма почетной семьи. Пожалуй, никогда еще в подобной семье не рождался сын, чей жизненный путь шел бы до такой степени вразрез

да в Лондоне был созван первый конгресс Союза. Энгельс присутствовал на нем в качестве делегата от парижских членов Союза. Весь Союз был реорганизован заново.

Осенью того же года состоялся второй конгресс, на котором присутствовали и Маркс. Результат конгресса — «Манифест коммунистической партии» — известен теперь всему миру.

Из Лондона оба друга переезжают в Кельн, чтобы заняться в практическую деятельность. История этой деятельности начинается с «Новой Рейнской Газеты» и с «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов» Маркса. Тут же закрывают газету и высылка Маркса друзьями была на время запрещена. Маркс уехал в Париж, а Энгельс — в Бранденбург. Энгельс принял участие в баденском восстании. Он был участником трех сражений, и во его исключительном мужестве и абсолютном бесстрашии по всякой опасности говорили еще долго потом все, кто видел его в бою.

Когда все было кончено, он одним из самых последних вернулся на территорию Швейцарии, а оттуда перебрался в Лондон, куда после своей высылки из Парижа снова переехал Маркс.

IV

Теперь началась новая пора в жизни Энгельса. Маркс оставался в Лондоне, а Энгельс вернулся в Манчестер, на хлопчатобумажную фабрику, где отец его был компаньоном. Энгельс занял место служащего в котлостроительной фирме, эту должность он занимал и в дальнейшем.

Двадцать долгих лет Энгельс был вынужден нести тягостную работу в торговом учреждении. Двадцать лет подряд друзья видели лишь по вечерам в кругу семьи. Но связь между ними оставалась неразрывной.

Одно из первых моих летних воспоминаний — получение писем из Манчестера. Оба писали друг другу почти ежедневно, и я вспоминаю, как часто «Марк» (так мы звали отца) разговаривал с писемками, как будто прикладывая их к своему лицу. Тут же: — Ну, нет, все так же так же... — Да, здесь ты прав! — и т. п. и т. д.

Но особенно хорошо я помню, как «Марк», читая лишь раз письмо Энгельса, хотела до того, чтобы слыла тем же по шепала.

V

Само собой разумеется, Энгельс в Манчестере не был одинок.

Прежде всего, там жил Вильгельм Вольф — смеялый, верный, благородный, переловый боец пролетариата, которому посвящен первый том «Капитала» и которого у нас в доме звали не иначе, как «Луис»¹.

Позднее там поселился предельный друг моего отца и Энгельса — Сам Мур (тогда самый, который вместе с моим дядей Карлом «Капитал» на английский язык) и профессор Шерлендер, один из самых известных в то время химиков.

Однако, несмотря на то что Энгельс имел друзей, странно подумать об этих 20 годах жизни такого человека, как он... Не надо думать, что Энгельс когда-нибудь жаловался или роптал! Напротив, он делал свою работу так весело и спокойно, как будто внешне думал, что света не могло быть, как хотеть ей служить и сидеть в котле.

Но я gostала в Манчестере у Энгельса, когда подходила к концу эта каторжная работа, и здесь я поняла, что означала для него все эти годы. Я никогда не забуду этого лютого воспоминания. Когда в один из дней, когда он утром натянул свои сапоги, чтобы в последний раз проделать путь до котла. Несколько часов спустя мы, стоя в ожидании у ворот, увидели в суматохе прибывающего маленького, расползкоего напротив его мола. Он размахивал в воздухе тросточку, вел и шел всем лицом. Затем мы по-иррациональному уехали на стоянку. Энгельс и я были счастливы. Я тогда была слишком молода, чтобы все это понять. Но теперь я не могу об этом вспомнить без слез.

VI

После этого, в 1870 году, Энгельс переехал в Лондон и тотчас же занял на себя свою

работу большой работы, которую вел Интернационал. Энгельс был членом Генерального Совета, членом-корреспондентом Совета для Белгии, а позднее и для Испании и Италии. Помимо этого литературная деятельность Энгельса была исключительно велика и многообразна. В 1870—1880 годы был устал пионером в изучении истории.

Но важнейшим по всем отношениям произведением Энгельса был «Переворот, произведенный г-ном Евгением Дорнингем в науку». Это произведение вышло в 1878 году.

В настоящее время разнится значение и влияние этого произведения так же излишне, как, скажем, говорить о значении и влиянии «Капитала».

Ежедневно в течение последующих 10 лет Энгельс приходил к моему отцу. Часто они вместе открывали газеты. Но так же часто вместе читали книги, в частности «Капитал», пагая взад и вперед — каждый по своей стороне комнаты, где я тот и другой высматривали имена в полу, резко поворачиваясь на каблуках в одну или другую сторону. Здесь они рассуждали о таком большом ряду философских вопросов, который и не снится большинству людей. А нередко оба они долго и часто раскаивались назад и вперед.

Случалось и так, что каждый из них говорил о том, что в данный момент его главным образом занимало, — пока они не останавливались и не превращались с громким смехом друг другу, что в течение полчаса один из них думал и говорил об одном, а другой — о совсем другом...

Если в это время и место позволяли, как много можно бы написать о том времени! Об Интернационале, о Коммуне, о тех месяцах, когда наши квартиры походили на убежища, когда в углу кабинета находил приятную встречу и помощь...

В 1881 году умерла моя мать. Мой отец, здоровье которого было расшатано, в течение нескольких месяцев находился в Англии. В 1883 году умер и он.

VII

Каждый знает о том, какую работу проделал Энгельс с тех пор. Большую часть своего времени он посвятил изданию произведений Маркса, корректуре новых изданий, а также смотрю переводов «Капитала». Эта работа, как и его собственные произведения, не нуждаются в иной оценке.

Только что лично знаком с Энгельсом, могу измерить, какую огромную работу он несет изо дня в день. Итальянцы, испанцы, голландцы, датчане, русские (Энгельс безукоризненно владеет всеми этими языками), а уж об англичанах, немцах и французях вообще не приходится — все они приходят к нему за помощью и советом.

О всех трудностях, которые мы, работающие для блага народа, встречаем, — мы знаем к Энгельсу. И никогда не обращаемся к нему в порядке.

Работу, которую выполняет этот человек в последние годы, была бы не под силу и долгие обывковенные людей. Энгельс продолжает работать, ибо он знает, как и все мы это знаем, что если он когда-либо умрет, то ему наследство Маркса. Энгельсу еще много предстоит сделать для нас, и он это делает.

Это только контуры его жизни; это, так сказать, лишь скелет, который не может быть. Чтобы оживить эту схему, нужен кто-либо более одаренный волею. Я Кроме того мы слишком близки к нему, чтобы видеть его во весь рост.

VIII

Энгельс семидесять лет. Но как легко несет он бремя своей жизни! Он бодр телом и духом.

При своих шести с лишним футках роста он держится так, что вовсе не кажется таким уж высоким. Энгельс носит окладистую бороду, которая растет как-то выбок и начинает седеть сзади. У него красивые волосы, покрывающие голову, без единой седины.

Но если по внешности Энгельс выглядит молодым, то на деле он еще моложе, чем выглядит. Он является самым молодым среди известных мне, кого я знаю, и, насколько мне известно, как по последним 20 тысячам лет он никогда не постарел!

Вот как в 1869 году я ездила с ним по Ирландии. Так как он тогда собирался писать

историю ирландцев, с ним было особенно интересно осматривать страну. И в 1869 году я ездила с ним по Америке. И в 1889 году, и в 1888 году Энгельс был дважды посетителем эдемского, душистой каменной группы, каждой группы, в которой он находился.

На борту тринадцатого парохода «Санта-Изабелла» из Нью-Йорка он, какой был суровой ни была погода, все-таки готов был прогуляться по палубе и вынуть крикулиш.

В случае чего немаленький приносил Энгельса — не обходить встречавшихся по пути пренятия, а перекаивать или перекаивать через них.

В течение черты характера моего отца, как и Энгельса, я должна здесь остановиться и тем реше не подчеркнуть, что эта сторона именно миру неизвестна и большинству читателей является неподобной. Я знаю и снова могу это подтвердить как свидетельница. Я всегда, всегда готового извергать грома на головы как друзей, так и врагов. Но то, что хотя бы один раз глядела в это прекрасное карие глаза, так пронзительные и в то же время такие мягкие, полные юмора и доброты, тот, кто когда-нибудь слышал его зарывательный и сердечный смех, тот знает, что услышал великий, колоссальный Юнггер — глас чистейшей природы.

Таков и Энгельс. Находится лишь, которые изображает его качества самонадеянно, диктатором, ежким приказной. Это и так, как мере не соответствует действительности.

О его неисчерпаемой доброте по отношению к более молодым мне не приходится говорить. В каждой стране находится достаточно людей, которые могут свидетельствовать об этом. Я могу только сказать, что достаточно часто я видела его в кругу друзей, которые занимались работой, чтобы оказать дружескую услугу кому-нибудь из молодежи; не раз его работа находило задерживалась на-за того, что он приходил на помощь какому-нибудь новичку.

IX

Энгельс никогда не прощает одного — жизни. Человек, который неискренен в самих собой и, еще больше, который неверен партии, не выдерживает пощады у Энгельса. Это для него неприемлемо.

Здесь я должна отметить еще одну характеристику черту. Энгельс — самый толстый человек в мире, с сильнейшим чувством долга и в особенности — партийной дисциплины. Он, пожалуй, наиболее дисциплинированный из всех, кого я знаю, и в то же самое время бесконечно далек от канакства.

В Энгельса поражает не менее чем его молодость и доброта, его разносторонность. Ему ничто не чуждо. Естественность, химия, ботаника, физика, филология (он закончил по 10-му классу гимназии в Берлине в 70-х годах), политическая экономика и, наконец, last but not least — военная тактика. В 1870 году, во время франко-прусской войны, стал членом артиллерийского отряда «Пель-Мелл», обратился на себя всеобщее внимание, ибо он точно предсказал битву при Сельме и разгром французской армии.

Стоит упомянуть еще одну черту его жизни — прозорливый Энгельс получил со времени появления этих статей. Моя сестра обвила, что он не кто иной, как генерал Штрайфелс, член артиллерийского отряда Энгельса у нас воем «Герангом». Но это прозорливый имеет сейчас более глубокое значение. Энгельс, действительно, генерал нашей рабочей армии.

Есть еще одна черта у Энгельса, на которую необходимо также указать: его абсолютная самоотверженность. При жизни Маркса он сам говорил, что он принадлежал к числу тех, кто достиг своей верности и что он был чертовски рад, что имел при этом такую хроническую первую скрипку, как Маркс. И в настоящее время Энгельс продолжает играть эту роль, но не так скромно и инстинктивно и прост, как будто он все еще, как он выражается, «играет вторую скрипку».

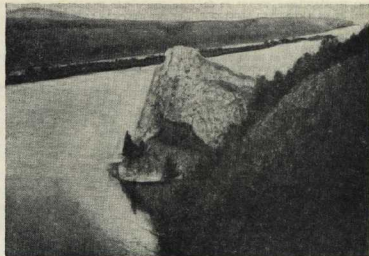
Мне хочется еще упомянуть об одной дружбе между моим отцом и Энгельсом. Эта дружба в будущем стала легендарной, как дружба Дамона и Финтиаса в греческих сказаниях.

¹ Последнее по счету, но не по важности.

¹ Лаурис (по-австрийски) — волк.

Стопка экспедиции в долине реки Модон-обо (Джунгария).

Река Енисей выше города Красноярка.

КАК Я СТАЛ ГЕОЛОГОМ И ПИСАТЕЛЕМ

Академик В. А. ОБРУЧЕВ

В детстве я особенно любил читать сочинения Купера, Майн-Рида и Жюль Верна и вместе с героями этих книг в воображении одолевать дикавые доли Арктики, подниматься на высокие горы, проникать в джунгли тропических лесов, в просторы степей и пустынь, окотиться на слонов, тигров и львов, перелетать приключения на таинственном острове, спускаться в глубины океана. И я мечтал, что когда вырасту, непременно сделаюсь путешественником и буду изучать далекие страны.

В средней школе меня особенно интересовали уроки естественных наук и географии. Учитель географии иногда хорошо рассказывал нам о наблюдениях Гиркельца; оного в восточных Монголии и в снеговых горах Кузи-луна, о путешествиях Ливингстона по Африке или читал отрывки из сочинений других путешественников. Это укрепляло мое стремление побывать в неведомых местах.

После окончания средней школы мне следовало бы поступить в университет, чтобы получить знания в области естественных наук. Но в то время туда принимали только окончивших классические гимназии, а я учился в реальном училище. Доступ в университет был для меня закрыт; пришлось поэтому выбирать одну из местных технических школ. Я выдержал конкурсный экзамен в Технологический институт в Петербурге и мог сделаться механиком или химиком. Однако это не привлекало меня, и я предпочел держаться второй конкурсной экзамен в Горный институт. Надеюсь, что, как горный инженер, смогу выбрать службу где-нибудь на далеких окраинах — в Туркестане или Сибири — и увидеть малоизвестные страны, которые меня интересовали.

В Горном институте на первом курсе читались лекции по зоологии и ботанике. Они были интересны для меня, а вот к изучению математики, механики и других технических наук я не чувствовал склонности. На третьем курсе я даже подумывал о том, чтобы бросить Институт и пере-

менить специальность: заняться литературной работой, так как я начал уже сочинять стихи и писать рассказы.

Но первое знакомство с геологией окончательно решило мое призвание. Вот как это произошло.

Окончив занятия на третьем курсе, студенты отправились в геологическую экскурсию под руководством профессора И. В. Мушкетова. Мы шли пешком по берегу реки Волхова. Местами этот берег обрывист, скалист. Мушкетов очень живо объяснял нам, как на дне моря, когда-то покрывавшего север России, отлагались горные породы этих берегов; как они потом навалились и сделались сушей; как постепенно врезалась в них река, создавая свое русло.

На обратном пути — на пароходе по Волхову, Ладожскому каналу и по Неве — он продолжал знакомить нас с различными вопросами геологии и с ее практическим значением. Он рассказывал, как геологи находят месторождения разных полезных ископаемых, необходимых человеку. Все это было очень интересно.

Осталось кинжурное время

я провел в Ревеле, в Эстляндии, где жила моя мать. Вдоль морского берега здесь тянутся высокие обрывы, сложенные из древних известняков. Я купил себе геологический молоток и проводил много часов у подножия этих обрывов, стараясь найти и вымыть из камня остатки ископаемых животных. Я достал также руководство по геологии Ливеля и старался проникнуть в тайны этой науки.

На четвертом курсе я слушал прекрасные лекции Мушкетова по геологии и Лягунова — по палеонтологии, все больше увлекался этими предметами и уже не думал о том, чтобы оставить Институт. Влечение к геологии сочеталось с влечением к путешествиям, которое осталось с детских лет. Заметив мой интерес к геологии, Мушкетов дал мне замечательную книгу — первый том большого сочинения «Сила» немецкого исследователя Рахтгофена.

В этой книге мастерски описаны обширные местами Центральной Азии, бесчисленные горные цепи системы Кузи-луна, суровые

China — Khatay (сиен)

горные Табета, таинственное горное озеро Кура-нор, к которому стремился попасть знаменитый географ Гумбольдт. Подробно в ней говорится о своеобразной стране Абесса, сохотского из желтой пыли, покрывающей толедой падевой аесь север Китая. Рахтгофен изложил также историю исследования Центральной Азии и Китая и показал, как мало мы знаем природу этой обширной области и как много много и интересно успел обнаружить русский путешественник Пржевальский во время первой своей экспедиции.

Прекрасная книга произвела на меня такое сильное впечатление, что, прочитав ее, я твердо решил не только сделаться геологом, но и воспользоваться своим силе изучению строения Центральной Азии, проникнуть в глубь ее пустынь, горных цепей и страны Абесса, продолжить исследования Рахтгофена. Поэтому, кончая Институт, я заявил проку. Мушкетову, что хотел бы попасть в какую-нибудь экспедицию в глубь Азии.

К счастью, мое желание очень скоро осуществилось. В то же лето, по рекомендации Мушкетова, я получил место геолога при строящейся тогда Закаспийской железной дороге (в нынешней Туркмении). В мою задачу входило изучение Закаспийской низменности, выяснение возможности строительства железной дороги (по описанию, что пески будут засыпаться ес). Программа исследований предполагала также посещение водоносных горизонтов в песках, изучение рек Теджена, Мургаба и старух русских Аму-Дары.

Верхом, с маленьким караваном и двумя казаками, я пересек пески Кыр-чумою, осматривал абессские холмы на границе Афганистана, Иовбал и в долине Мургаба. Здесь я зарешил выучиться персидскому языку. Оправившись после болезни, переехал через пески к западному руслу Аму-Дары, по которому много столетий тому назад текла река и шумели водопады. В ее подножии русло, окаймленное сипучими песками, тянулось целую горько-соленую озеро, дно ко-

Одна из башен «золотого города» Орху (Джунгария).

горных покрыто колючей шеткой сучьев, кристаллы белого снега. В будничном каюте висит спускается вниз по Аму-Дарье, изучая ее берега. Затем я совершил экскурсию в горы. Там-то, бывало, чтобы осмотреть кости биворона и грабля и искать нефть.

В первый год по неопытности и не зная себя, палящего зноя, нечаянно под открытым небом, я попал в одиночные сухарники и чаем, если не пожелалось лечь или не было кошмаров, то спать можно было кулиту барана.

После двух лет путешествий пришлось променять оваривание мяса пещерах и горах, редкой дичи на сабей Сибири. Я поехал в Иркутск в качестве единственного штатного сибирского геолога и работал там три года.

Сначала я разведывал месторождения угля и раскопал остатки мамонта на реке Оксе. Потом проехал в Прибайкальские горы, спустился к Байкалу, посетил мое озеро степи, протянувшегося на 600 километров в высокой раме скалистых берегов. В путешествиях по Сибири я искал трагедии, слоду, алим-статуи и др. В этот же период мне удалось исследовать Омлюк-Ватский золотосытный район.

Природа Сибири и условия работы были иные чем в Туркмении. Сильноная тайга, болота в речных долинах, другие склоны, обильные мохом и валяекомом, обильные «стусы» — комары и мошки. Питание часто бывало весьма скудным. Но всегда неутомимая страна, обильные авецеллели, задачи научной работы и открытий поддерживали бодрость в течение минуты.

А затем мне удалось полностью осуществить мечту студенческих лет. Меня включили в состав большой экспедиции Географического общества, которая отправилась в Китай и Центральную Азию. Ученые исследовали степи и пустыни Гоби, санчю пещер Ганьсу и Алшани, прошел по всей стране дельта Северного Китая и выяснил его происхождение из пещер, принесенной ветрами из пустыни, и нескон Центральной Азии. Побывав на хребте Аланиском, исследовал горные долины Наньшаня и восточного Куэн-луня, велел берега озера Кукунор. Я прошел по всем оазисам провинции Ганьсу, проведя там течение реки Синьцзинь, пересек гористую Ханьшанью пустыню, побывал во многих других местах и закончил путешествие в городе Куандже. Таким образом, мне удалось полностью доложить исследования Риктфорфе в глубь Центральной Азии: далеко на север, северозапад и запад.

За два года путешествия я прошел около 13 тысяч километров, из них около 5500 — по местностям, не посещенным даже европейскими исследователями.

Первый год у меня был переломный — забавлялся, как из бурей; второй год я выжил один с монголами и китайцами. Приходилось пользоваться самыми разнообразными видами транспорта: то это были монгольские и малайские телеги, то верховые лошади, мулы и верблюды.

Это было трудное путешествие. Летом нас дожидала жаркая зима — морозы. В пустыне мы шли скверную ногу, одиозно, а иногда и не сподобились. На границах, в гонимых китайских и малайских долинах не удавалось отдохнуть. Пожалуй, больше всего я

страдал от своего одиночества, ведь кругом меня не было ни одного русского человека. Долгие месяцы я был оторван от родины, не мог получать даже известий от своей семьи. Иногда бывало очень тяжело и тревожно. Только горячий интерес к работе, страсть исследователя помогали мне преодолевать все лишения и трудности.

Позже я много лет работал охотой в Сибири, изучая геологию Забайкалья, золотые россыпи бассейна реки Бодайбо, на Витиме золотоо рудники в Кузнецком Алатау, берега Енисая возле Красноярска, стропные Алтай. Но мне еще раз удалось побывать в Центральной Азии. Из Томска, где я был профессором геологии, я совершил три путешествия в Джунгария. Там — в промышленности между системами Алта и Тиваншаня — сосредоточены все характерные особенности природы Центральной Азии: скалистые горные цепи, сыпучие пески, цинковые пустыни, небольшие озера, соляные озера и реки, упряжищие в иньшань. В этом путешествии мне сопровождал подросток уже сын.

Джунгария — страна интересная не только своей природой: она

знала «Путешествия» и «Земля Санникова». Много интересней, лично и, исследовав, написал эти романы.

Я уже упоминал, что стремление к созданию научной литературы у меня еще в студенческие годы, но затем, благодаря лекциям Мухомова и книге Риктфорфе, явился геологом. Я сознательно оставил путь научного рожда, и будучи профессором в Томске, не сколько лет сотрудничал в местной либеральной газете «Восток» Фелетов на хозяйственные и политические темы и писал под псевдонимом. Но в небольшом городе трудно скрыть авторство, и Фелетов, хотя и был моим учеником, сразу узнал мое имя, что являлся автором фелетовского оппозиционного содержания. Министр просвещения Асково предложил мне поехать в отставку.

Я уехал в Москву. И здесь, обратившись свои сибирские наблюдения, я иногда перепечатывал романы Жюль Верна, которые так любил в детстве. Но теперь я уже относился критически к его описаниям. В романах «Путешест-

вия в Арктику», показались мне соответствующими плану фантастического путешествия в глубь земли.

Так возникла в 1915 году моя «Путешествия в Арктику», написанная из писем от молодых читателей, которые до сих пор совершенно серьезно спрашивают меня, почему не совершить новую экспедицию для изучения подземного мира, и выражают желание участвовать в таких экспедициях. Вот как некогда строились вопросы к молодежи к научным откритиям!

Другой роман — «Земля Санникова» — был написан лет восемь спустя. Я прочитал выходящий роман Жюль Верна, который описывал путешествие на автомобиле по ледяному покрову Гренландии. Путешественники неожиданно наткнулись на тридцатилетнего человека, среди льдов, на дне, еще не открыли растительности и первобытных людей. Идея мне понравилась, но Жюль Верн не переубеждал, как не может ведь существовать постоянная пропасть таких огромных размеров среди ледяного покрова, который перемещается, как всякий ледник, по уклому местности и раскокается трещинами!

Из литературы о Сибири я знал, что среди льдов Арктики, к северу от Новосибирска, существовал должен находиться неизвестный остров, названный Землей Санникова. Его видели издалека некоторые путешественники, но в северных берегах Сибири постоянно наблюдали, как перелетные птицы весной направлялись куда-то на север и возвращались обратно осенью. На тех же берегах находили остатки своеобразных жилищ, какою-то несомненно племенами, переживавшими какие-то испытания, ушедших на север из столкновения с чукчами.

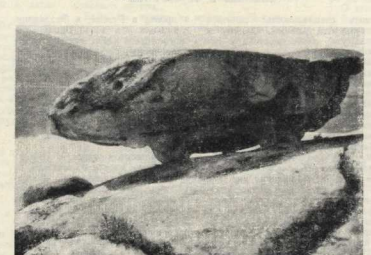
Мне и захотелось использовать эти сведения для фантастического романа, описать путешествие на Землю среди льдов, на которую спускались охотники. Но, чтобы сделать правдоподобной обстановку этой земли для людей и крупных животных, а во много для перелетных птиц, пришлось предположить, что земля представляет собой поганого вулкана, тогда теория еще соврелась бы пошу.

Так появился роман «Земля Санникова».

Я написал еще один роман — «Золотоскалдети в пустыне», — заданный привидеть лет назад. В нем описывается путешествие в горы и пустынях Джунгарии и описал жизнь и приключения китайских рудоискателей, работающих в средневековом столетии на золотых рудниках.

Написав, но еще не издав научно-фантастический роман «Путешествия в Арктику», я продолжал попытку инженеров использовать для отледнения, освещения и прочих надобностей Жолтого горящего озера. Жар этот приближается посредством очень глубокой шахты.

Таким образом, мои научно-фантастические романы, особенно последние, тесно связаны с моей специальностью геолога. В последние годы мне много пришлось заниматься практическим трудом. Все свое время я отдаю научной работе по геологии, консультированию разных экспедиций, преподаванию в Академии наук СССР. Профессия, избранная в молодые годы, стала главным делом всей моей жизни.

Скала «Черепаша» на берегу озера в Каабинском хребте (Казахстан).

не к центру земли и обнаружил ряд грубых ошибок в описании геологии. Например здесь описывается спуск горца по жару подлого вулкана, что это невозможно потому, что жар вулкана всегда заполнен застывшей лавой. Это более непереносимым, чем жар действующего вулкана на плечо по кишине воды, а потом даже по жидкой лаве. Неправдоподобно также обнаружены вулканические конусы, освещенные каким-то странным светом и населенные вымышленными существами. Мне захотелось описать путешествие в недра земли более правдоподобно и закончить путешествие с описаниями измученных фан и флор в той последовательности во времени, которая установлена геологией. Я воспользовался гипотезой о существовании земного шара и существовании внутри его маленького светила. Гипотеза эта записана в моем издании «Путешествия в Арктику» и в моем романе «Земля Санникова», хотевшего искать входное отверстие в недра земли сре-

Самолет

Всё автаторы мы отыскали в лесу, возле любимого нашего озера. Было очень жарко.

Я лежал на спине, загнув руки под голову. Рядом тень солнца ложилась на лицо. Сквозь закрытые веки и смотрел в бездонный оранжевый мир и вслушивался в тот, всегда непонятный для меня, шум, всегда вызывающий во мне и тожливое и сладостное чувство,— в то непростое состояние, которое даже и в безветренную погоду, попутному, производят воздух, просыпавшаяся савою хвою.

— Не открывая глаз, на попорочная голени — по одним их воспоминаниям и порочам, — я могу сказать, что делают неподалеку от меня мой ребята.

Вот кто-то из них, поспытывая, стругает пожелтому палку. Вот слышно, как двое, агата дыванке и, должно быть, стоя на коленах, склонившись над муравейником...

Эон и рокоот мотора стал нарастать и подмигивать из-за леса.

И сразу же на земле возле меня сделалось тихо-тихо...

И опять-таки совершенно ясно я представил, как, сидя, а другие — лежа, они, запрокинув голову, следят за самолетом.

И сразу же затесался спор:

— Разведчик!

— Ничего подобного: учебный!

— Как раз!

— А вот тебе — и как раз!

Ножичек

Однажды с ребятами из нашего дома мы отправились кунаться на Сетунь. А по дороге стали рвать шапель.

Но так как пошли-то мы не за ягодами, то и собирать его оказалось не во что. Тогда сняли мы с одного мальчугана рубашку, вывернули рукава внутрь — и получили мешок. Этот мешок мы положили на извозжее любимы, чтобы всем было видно, куда сносить шапель.

Собрать же стали в кепки, в карманы... Рука я шапель, и, ломаяшому, очию долго до моего сознания не доходил как следует однообразный и смутно беспокоивший меня звук, воспринятый мной сперва как гудение большого шмеля, а потом как отдаленный и протяжный гудок парозова.

На вот подняваю голову — и вижу, что никто из ребят шапель не собирает, а все они раскажывают по лобине и, никак нагнувшись, что-то ищут в густой траве.

А один из них, Ларюк, сидит на бугорке и ревет.

Э это и был шмель.

А ревел он от того, что потерял свой перочный ножик. Хороший был нож: всею дорожку штелал он им перед ребятами, пока шли на Сетунь. Обронил же он его, надо полагать,

Смолил. А потом кто-то из них вздрг «затакал», изобразив зенитный пулемет.

— Бейте! Попадай, Ага! Шугорай! — перебивали их возбужденными возгласами свое «затакавшие».

Вздрг раздался сухой стук палки о палку, затем сосуная пожелтой пишины, и что-то вилеулось на землю пооалы.

«Вышиб кто-то у тебя из рук твой зенитный пулемет!» — подумал я, все так же те открыл глаза. Но вскоре пришлось не только открыть глаза, а и ринуться стремглав развинтывать драку. Дрались двое — те самые, на кого я и думал: тот, кто «стрельбу по самолету», тем, кто вышиб у него из рук палку.

Я еле-еле растащил их.

— Ну, знаешь, Федор, уж от кого, от кого, а от тебя-то я никак не ожидал такой штуки! — сказал я «загресору».

Он стоял, ажавшая рукою нос. Это было худенький белобрысый мальчуган, но виду гораздо слабее того, у которого он вышиб палку.

— А пусай он в наш самолет не стреляет, пусай не стреляет! — сказал следа, но упрямо и несравненно отвечал он, не отменяя ружьи от зашмеленного носа.

— Ох, и сумасшедший же, ох, и сумасшедший — токсам укорившимся толчком вскричал обиженный нам долговзый мальчуган. — Да что я — на самом деле, что ли? Шутю не понимаюшь?

В ответ на это Федор лишь презрительно и насмешливо покачал головой. Потом отнял ружку, намурился, взглянул на нее и, стряхнув с ладони капельны крови, хотел отойти.

Я вмешался.

— Ну, в самом деле, чего уж ты так? — сказал я — Палкой человек анализал, а ты...

Он быстро, словно ужалонный, обернулся.

— А все равно! — вскричал он запальчиво и с чувством непоколебимого убеждения. — Все равно! Хотя и палкой, а пусай не нацеливается!

из вывернутого кармана, когда сдвинул шапель.

Начал и я помогать. Искани долго, но травка была в лобине густая — так ничего и не нашп.

И все это время Ларюк ревел. Сидит на бугре, бедняга, не смотрит ни на кого и цепочкой землю перед собой колпает. Выглядит на миг сквозя беспротыные свои слезы: «Идут ли?» — и опять заревет.

А мы уже устали искать. Один за другим ребята прекращали бесплодные поиски и оставались возле плачущего Ларюка. Стояли молча. Да и что же сказать можно было при такой отечер?

Но видно было, что у каждого из них врется из души дружеское, укрепляющее дух слово, да только не знали ни, быть может, стидальны проказцы его.

А надо было с какой-то стороны подступиться к Ларюк!

— Случай, Ларюк, — сказала я — ну потерпай свой перочный ножичек, потерпай, так ведь не в омут же головой из-за этого! Один Ларюк потерпал — другой найдет!.

Я сказал первое, что подвернулось на язык, сам же престо, без всякой даже нужней мысли, а лишь бы встряхнуть его, развеодить или пусай даже — рассердить.

— Правильно! — раздался вздрг слыли меня собой зенитный и взломанный голос.

Я обернулся. Смуглый, большеглазый и крупнотелый мальчуган лет одиннадцати, произнесший только что эти слова, как будто даже и не замечая, что и в упор и с любопытством рассматривало его. Он весь, от цинком был обращен к Ларюку.

— Правильно! тебе товари! — продолжал он, сдвинув брови и покосив головой в шлод суровой но а то же время и подмигивая мне укоризны. — Ну чего уж ты так баюкаешь из-за своего ножичка? Никуда он, твой нож, все равно не денется: у нас же в Советском Союзе останется!.

Зачаались на березе серги, что-то мне взурзуло в уши, и не зря: Девушка с глазами серыми Уезжает скоро в лагерь.

Уезжает... Будет там ей несело, Я станусь в городе один, И береза грустно сергы свесила, Будто шенет друго: «Погоди!»

Только как бы с нею мне увидеться? Не выходит кто-то долго, жаду. Не протиснись сюда, то обидеться! Будь, что будет, страшно, но войду!

На листу зеленую, шумящую Ветерок веселый набежал. Я протислся с ней по-настоящему, Я ей ружку березно пожал.

Грузинок исчез за дымкой пыли, Галстук Зины вьется на трубой, Не забудь, как мы с тобой дружили, А веротиснись — зайди!

Виктор ЯНОВСКИЙ, ученик 9-го класса школы № 20 город Калинин.

МАМА

На столе разбросаны книги, На стене часок привычных стук. Лама шипует светом Черные тропинки бевым.

Рядом мама, добрая такая, Прядь седая бьется на очках, И бежит узор по глади ружев От ее блестящего крочка.

Милая, заботливая мама, Старенько стала ты теперь, Сколько в жизни теплою любовью Ты смитчала гори и потер!

Каждого поимешь и обгорень, Каждого смешешь облакстать. Радость,

Нежность, Теплота земная — Стара и любящая мать!

Москва. Борис ЧЕРНЫШЕВ

МОРОЗ

Покрывало тонкою рязбой Оно заветное мое. То хлопнется молодой Ночной шпакоткой порой Искусство пробовав свое.

Слепка к стеклу он прижмается Своей умеюло ружой.

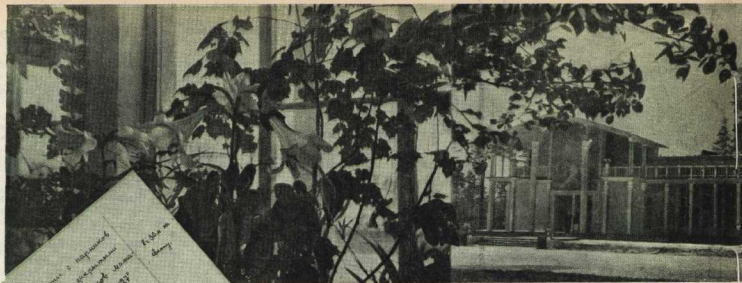
И след чудесный остается: То жаркой тонкой извивался, То у жару широко тропой.

В снегах арестан хмуро сам, Поля, деревни — все во мгла! Играть несутся метели, Снежинки шумные летели — Все было на моем стекле.

В. ПОВОП, ученик кубанской школы № 19

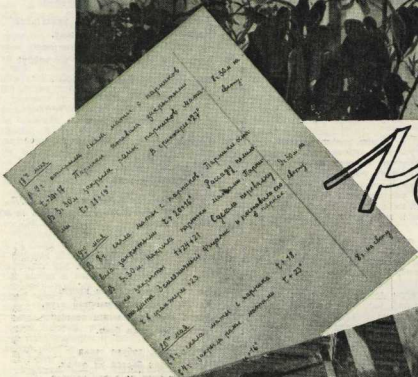
Кубанская область

19

Юннаты

Страница из дневника юной натуралистки ученицы 83-й московской школы Марии Нововой.

воротные голуби и служебные собаки. У это создано, введено, выведено из вымы руками юных натуралистов разных растов и разных национальностей.

Но бездельный осмотр павильона при удовольствии любознательного посетителя, всякая модель, не всякая фотографии, прясная лаконичной фразой, расскажет, а там за ней какой путь прошла юные естествоиспытатели, прежде чем вырастали на стке Рыбинской школы Ярославской области научное — как сажать; какова история этого механического членика и зеркала скорлупки? Нужно остановиться, поинтересоваться, посмотреть альбомы, распросить экскурсоводов — и тогда поймешь, какие благородные чувства ведут детей, юношей, девушек по дороге исканий, кропотливого труда, неудач, побед и новых поисков.

Юные натуралисты Азия-Аты решили сделать, какие птицы поведать и какие

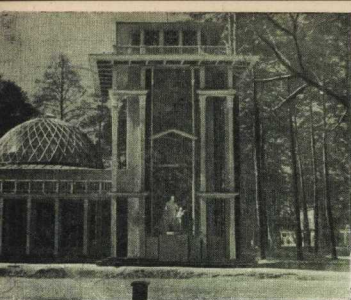
Глеб Державин и Вана Кузнецова прививают один сорт картошки на другой.

Усыпанная свежим желтым песком дорожка сворачивает от главной аллеи Всесоюзной сельскохозяйственной выставки налево и ведет — мимо сосен, клумб, газонов — к широким ступеням террас павильона юных натуралистов. Рано утром павильон бывает освещен солнцем, и в эти часы он особенно привлекателен.

Много чудесного собрано в пяти залах этого легкого, изящного здания: модель «светоориентирующегося» трактора ленинградского школьника Александра Осипова; арбузы, тыквы, кабачки, малина, выращенные юными инициаторами Ярославской школы Туйской области; обильная высокоурожайная пшеница юных опытников города Куйбышева; цветущие липы и розяющая свои бело-розовые лепестки нежная фейхоа; пчелы и шелковичные червя;

Павлович юнги натуралистов на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

М. КИРКЛИССОВА

Фото О. Ландер.

бы

ны. Для этого нужно знать, чем они питаются.

Можно, скажем, поймать воробья, распороть ему брюшко и посмотреть, что у него в желудке. Но эти данные далеко не точны. Алма-тинские натуралисты набрали другой путь. Недалеко от птичьего гнезда, облюбованного для наблюдений, устанавливался пост. Замаскированные ветвями куста, вооружившись биноклем, натуралист часами сидел за птицей и ее птенцами. Надо было сидеть очень тихо, чтобы не спугнуть такой неудобный для наблюдений объект. Надо было смотреть в оба глаза, чтобы разглядеть, что именно принесла птица в гнездо. Надо было точно записывать свои наблюдения, сопоставлять их, обобщать.

А для этого прежде всего требовалась огромная выдержка и терпение.

Наблюдения проводились с помощью замечательной устойчивости. Однако юнаты признавали, что дело у них поставлено довольно-таки кустарно. Пришлось прибегнуть к помощи техники.

Птица глуха: она кладет яйца в первый попавшийся открытый клюв, высунувшийся из гнезда. Что если вместо явного птенца посадить искусственного?

Как только в приспособленном для опытов, птичьим «домике» выдупилось из яиц перышко поточнее, юнаты вынули детенышей и посадили в гнездо тучило, похожее на большеголовое птенца с жадным клювом. Стоило хлопотливой матери сесть на жердочку, как юнаты дергали за бичеку, тучило открывало клюв и пища, доверчиво положенная в него недогадливой птицей, проваливалась в небольшой сосуд с формалином. Тут уж можно было совершенно точно установить, какой корм приносила за день птица-мать.

Все это потом было еще более

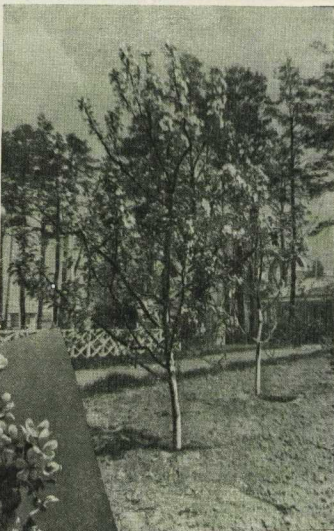
усовершенствовано. Держать за веревочку сейчас уже не приходится: когда птица садится на жердочку, выключается контакт и притес-тучило механически раскрывает клюв. Специальный прибор — оригитграф — записывает, сколько раз мать подлетала к гнезду, долго ли она около него сидела.

Более двух лет трудились юнаты, стремясь все время к научной точности своих наблюдений. И это достойно уважения.

Радиостроить у юнатов такую устойчивость и трудолюбие. А ведь порой им приходится проделывать очень кропотливую работу, о результатах которой нескорее узнаешь.

На одной из колонн выставочного зала помещена фотография: двое юношей склонились над грядкой картофеля и подсчитывают листочки на совсем еще маленьких растениях. Лица их серьезные и сосредоточены. Это москвичи Глеб Державин и Ваня Кузнецов, страстные последователи методов вегетативной гибридизации. С огромным увлечением выводят они новые сорта картофеля. Дело в том, что, привозя один сорт растения на другой, можно гораздо быстрее вывести новый, улучшенный сорт, чем если делать это с помощью опыления. Иван Владимирович Минурин применил этот метод и предложил к чудесным результатам. Его работу продолжил академик Лысенко. Несколько лет назад в одной из центральных газет была помещена его статья о вегетативной гибридизации. Державин и Кузнецов прочли ее и тут же решили поставить несколько опытов.

На участке Фрунзенской агробстанции они вскопали грядку и посадили несколько клубней картофеля. Выяли разные сорта: «Раннюю розу» и «Коблер». Вскоре после того, как молодые побеги появились на свет, юнаты привили

Карантинная обочина, выращенная юными минуринцами Балаганского района. (Иркутская область).

Любовно ухаживает Маша Понова за своими помидорками. Добиваясь высокого урожая томатов, она провизировала семена.

«Коблер» на «Раннюю розу» и начали ухаживать за растениями. Они и подливали их, и прикрывали банками, и каляли сверху ажурную совою. Велико было огорчение опытников, когда они убедились, что все их усилия пропали даром: растения не развивались. Чего-то они не учли, что-то недостаточно тщательно сделали, и это побуждало все.

Подвиги горечь разочарования, Державин и Кузнецов решили не отступать от своей идеи. Зимой они поспевали накопленному знанию. Читали статьи о методах прививки, выражи-

вали в горшках картофель и делали прививки исключительно ради тренировки. Весной начали новые опыты.

Долгие часы проводили юнаты в теплице, посвященные своей работой. Прививки требуют предельной аккуратности. Очень бережно острой бритвой делаются необходимые срезы и надрезы у молодых растений. Нежные срезы устанавливаются сделанные из таких же нежных стебельках. В этом месте надо особенно наложить бинт.

Мы говорим об этом в общих чертах. Но есть еще другие особенности этой работы, составляющие кропотливую технику прививки. И вот Державин и Кузнецов сделали это прививку. Вследствие, выходяща растения и особенно получая двадцать гибридных гибридов картофеля.

Победа? Да, большая победа.

Конец виктории? Нет, не конец. В этом году нужно проводить такую же работу, обладая гибридами. Надо убедиться, какие из гибридов выжили от своих родителей самые лучшие качества, действительно ли эти новые сорта картофеля превосходят старые, не боясь болезней, разн посеванию, вкуса и питательности. Наконец, передать ли они эти качества по наследству. Для этого придется посадить в грунт и гибриды, от которых они получены. За развитием каждого растения юнаты будут тщательно следить, записывая все свои наблюдения в дневник. Ведь многое зависит от условий воспитания гибридов. Особенно побеждает итог.

Все? Нет, не все. Пока будут развиваться, цветы, завязывать клубни эти растения, на теплице на гибриды перекочуют другие земельные участки. Надо продолжать опыты, делать новые прививки, как можно разннее комбинируя различные сорта, чтобы создавать все новые, все более совершенные гибриды.

Как обогащают человека такие благородные поиски, какой творческой радостью наполняют его жизнь, как открывает сознание, что все это зависит на благо всего страны.

Юнаты умеют работать! Многие из них, не страшась, отправляются в путь по неизвестным тропам. Вот около одного из стеблей лежит маленький пушистый хлопок. Натуралистка Харьковской области Виктория Гусева первая у себя, в Сахиновском районе, вырастила хлопок, и этот хлопок южных стран раскинул перед собой свои соробы в одной комнате. Рядом с хлопком находим дневник Виктории. Вот что писала она в прошлом году:

«Дорогого отца посылала тля и наделала много вреда...» «Иа хлопок назвали блохи и омыла сова. Частично хлопок болел...» «Моя бабушка, которой шестдесят лет, говорит, что она не помнит в каких местностях такой тли...» Рядом с такими рваными морщинами, которые все время чередовались с сильными дождями.

Нелегко досталась Виктория победа. Нужно думать, что и тля, и омыла сова, и дождь, и ранние морозы привнесли ей много оучений и хлопот. Зато какой заслуженной гордостью полны заключительные строки дневника: «Все же хлопок у нас раста и вырывать мой отец даже в редкие морозы с дождями осени!»

А убедившись в этом, Виктория стала горю пронаблюдывать продвижение хлопка в новые районы. Она разливает свои семена в колхозном хатам-лаборатория, пишет письма юнам натуралистам, рассказывает им о своем опыте.

Переходя от одного стебля к другому, читая дневники, разглядывая экспонаты, убеждаешься, что история каждого из них — это история пытливых поисков и тернистого труда, на которые вдохновляет юнатов благодар-

ное желание принести пользу родине, страстное влечение к новаторству.

Весной старший методист Московского городского отдела народного образования В. И. Эмзонот получил письмо от «старого» московского юнаты Владимира Мухомеева. Несколько лет он наблюдал за тем, когда, в какой последовательности расцветают на грядках шашки, и составил замечательную таблицу ста шестидесяти трех декоративных растений.

«...Кончилась война с Финляндией,— писал Мухомеев,— и я снова стал думать больше всего о своем любимом городе, в котором я не знаю, чудно или чудно, что в красномарше-юнкату (юном натуралисте)? В связи с этим какую несколько слов об одной находке. Недалеко от нашей беговой тропки наскуча куст, из которого несколько ветвей имеют колючие, загнутые перпендикулярно к ветви и горизонтально расположенные. Вряд ли придется проследить их развитие...»

Любовь Мухомеева к природе, стремление разгадать ее тайны и заставить ее служить на радость человеку так сильны, что, видимо, это и станет делом его жизни. По такому же пути пойдут многие юнаты. Но, разумеется, не все. Гусев Державин и другие, горю увлеклись введением новых сортов картофеля, своей полюбившей профессией избрал военное дело. Он поступил в специальную школу и ждет себя в будущем артиллеристом.

Но и создание новых сортов картофеля, и выращивание хлопка в необычных местах, и опыты над шашечкой и помидорами, и тысячи других дел, которыми заняты юнаты, воспитывают их как любознательных, терпеливых, последовательных и настойчивых, смелых в поисках, желающих работать на благо общества. А эти качества помогут им стать передовыми советскими людьми.

Инстинкт познания

Лев ГУМИЛЕВСКИЙ

В прошлом году писатель Сергей Григорьев опубликовал замечательный отрывок из адресованного ему письма А. М. Горького.

«Думаешь мне,— писал Горький,— что уже и теперь у людей возникает, зарождается новый инстинкт — инстинкт познания. Изменяя в виду; я говорю не о трепе разума, свойственной некоторым холодолюбивым Шопенгауэрам и Гартманам, не об угасательской истре логичной, а, именно, об инстинкте. Жили мы и живем до сего дня инстинктом голода, откуда истекло все, именуемое цивилизацией, и инстинктом любви, создавшим все, что мы знаем культурой, и вот воткопается наиважное возникновение третьего инстинкта...»

Письмо относится к 1926 году. Горький жил тогда в Италии. При несравненной зоркости и профессиональной проницательности он предчувствовал уже в то время, куда и на что направят свои душевные силы освобождающий от нужды и горя человек. Речь идет, конечно, не о возникновении нового инстинкта, а о борении и страстном выявлении исследовательских и творческих инстинктов, позволяющих у людей капиталистического общества звериную борьбу за существование, но широкую и свободную развивающуюся в людях бесклассового общества.

Исследовательский и творческий труд во всех областях человеческой деятельности превращаются у советских людей из внешнего обстоятельства в душевную способность, в естественную страсть ума и сердца, более стойкую и прочную даже чем, скажем, любовь или ревность, ненависть или честолюбие.

Жизненная воспитанность этой высшей страсти является стихийными напичку инстинктивными и исследовательскими героями науки, труда, искусства и подвига. Несомненно, что та же страсть лежит в основании огромного юношеского движения, представляющего собой не выходы в кружки юных техников и кружки натуралистов.

Сейчас у нас имеется около тысячи детских технических станций и столько же кружков юных техников во Дворцах пионеров. Выступая перед тысячами кружками, эти станции и дворцы объединяют миллионы юных техников. На городских, областные и республиканские выставки детского технического творчества поступают десятки тысяч самых разнообразнейших макетов, действующих моделей, остроумных приборов, оригинальных аппаратов,— значит, за этими грандиозными цифрами стоит огромное, живое дело.

Такое движение, с такими результатами не может быть объяснено только организационной работой, как бы высоко она ни стояла. Такое движение, с такими результатами шире и глубже творческого восторга и увлечения — оно заслуживает критического исследования, как явление социальное.

Интересно в значительной степени является история кружка юных техников в Марусинском Поселке в Чувшии. Здесь в 1933 году из учеников средней школы составилась группа любителей техники. Руководить им взялся учитель М. М. Плотников. Дети читали по двое лекции на Самодельном радиоавтомобиле, пуская модель суденышка по Волге, возились с самодельным фотоаппаратом, но мечтали о большем. Летом работа с учителями соборных грибов и ягод привнесла им, а деньги копилки для покупки настоящего мотора. Осенью за шестью рублей им удалось приобрести старый одноцилиндровый мотор, трансмиссию его, затем поставили на автомобильную раму, на сооруженном из лома автомобиле юные техники отправились в Чебоксары добывать себе новые детали машины. Автомобиль инспектора в ужас, и в выдаче номера и разрешения они им отказал, хотя ребята и доказали, что они добывают в столбу без единой аварии своей прожаркой, громящейшей и хрипящей машиной.

Смущенные техники вернулись домой с новой идеей. Теперь они решили построить

трактор, для которого номера спрашивать не приходилось. Этот деревянный трактор они построили за три недели. Когда закончили, соседний колхоз предложил им забрать у него старый, негодный «форзаид», который некогда было делть. Ребята отменировали этот трактор. «Форзаид» стал работать, а ребята — учиться тракторводителям.

Так вот этот кружок за пять лет существования подготовил для Чувашской республики тридцать человек, пошедших на поля тракторно-профессионалов, на просто знающих дело, но и творчески проявляющих и любящих свой труд.

История марусинско-поселского кружка юных техников есть рождение самой действительной художественно-производительной, расширяющейся нам эту действительности не только в ее технических подробностях, но и во всей ее социальной значимости.

Что же заставляет ребят, чью бы и возраст, класс, степень школы в любили, а не бороться в переселении от знойной? Какая нужда заставляет их ломать ногти о ржавые ребра железного лома на складе утюпильной, убраться на горном, разать намыленные стальной стальной станцией, топать в скамьях, отчаянно исследовать и творческого труда, высокая и естественная страсть ума и сердца, доведенная над многими иными страстями в освобожденном от нужды и горя человеке.

Куда ведет ребенка эти рано пробуждающиеся у него инстинкты исследования и творчества? Или инстинкты исследования и творчества являются основой настоящей техники, как таковой, с творческим трудом в социалистическом хозяйстве!

Таковы социальные причины, влияющие на развитие движения за овладение техникой, без широкого развития которой невозможно социалистическое общество.

2

«Что бы я хотел пожелать молодежи моей родины, посвятившей себя науке? — писал вид-

Денис И. П. Павлов в своей книге «К молодости, писем, ставшем волей судьбы и его завещанием».—Прежде всего—последовательность. Второе—это скромность... Третье—это страсть.

Страсть, одухотворяющая всю работу юных техников, столь естественно возникающая из высокого равнения инстинктов исследования и творчества у ослепленных идеями, прежде чем приступить к делу, страсть—это только третье, может быть, и главное, но не единственное условие для того, чтобы охватить те большие выкладки, которые мы называем в этой статье наукой.

Первое из этих трех условий—последовательность и второе—скромность.

Последовательность, закончивающуюся в том, что надо изучать каждую вещь, прежде чем пытаться войти на ее вершины, что никогда нельзя браться за последующее, не усвоив предыдущего, что не следует прикрывать недостатки своих знаний, хотя бы самыми смелыми догадками и гипотезами, что надо приучить себя к сдержанности и терпению, надо научиться делать «черную» работу в науке,—это последовательность, о которой Павлов не мог говорить без волнения, конечно, трудно совместить со страстностью, особенно в юном возрасте.

Здесь уже нетерпеливое естество. Понятию и жадное желание скорее увидеть результаты своего труда. Душа жаждет подвига необыкновенного и исключительного, и трудно верить, что путь к нему нескоро и нелегок.

Вот почему лаборатории наших детских технических станций, выставки представляют собой как раз не азбуку науки, а высокие ее вершины.

В самом деле, Ленинград увлечен, например, электротоматикой и управлением по радио в различных видах транспорта, а также в моделях крейсеров. В Москве осуществлены модели соленойной железной дороги, аэро-воздушной, водного троллейбуса, полноразмерный, движущийся по рельсам и на электричестве. В Одессе юных техников возмущают не разрешенные еще проблемы механизации сельхозной хозяйств. Новобирск построил радиоуправляемую модель гидроэлектростанции.

Если собирается кружок любителей фотографии, как будто наиболее спокойной и стандартизованной занятию, то тут тоже работники неслучайно высказывают далеко вперед: они работают с цветной фотографией, фотографируют через микроскоп. Московские фотобюлетени сконструировали походную фотоаппаратуру в чемодане, где негативы высушиваются в четыре минуты, где при любом свете можно проявить, печатать, увеличивать снимки.

В лабораториях Дворцов инноваций и на детских технических станциях можно увидеть много необычайных вещей, от модели подводной лодки, управляемой по радио в вымполомной четырнадцать прикавказий, до аэрозонной, чудно бегающей по снегу,—вещи, свидетельствующие о том, на какие высоты современной техники возмощают юных конструкторов и изобретателей их благородная страсть.

Конечно, немногие добиваются до этих вершин последовательным путем, накапливая факты, знания, идеи и опыт. Большая часть юных техников вынуждены осуществлять в моделях нужды идеи, готовые чертёжи. Изобретатели-инженеры часто обращаются к детям с предложением построить модель по их чертежам, да на своей работе. Ученики на объекте журнала «Знание»—сила да взлет соленой железной дороги.

Великий изобретатель Рудольф Дизель юнорев.

Наде и изобретателя идея сама по себе не являлась его изобретением: подозрительная труба или магдебургские ползуны, придуманный станок или иная машина считаются только изобретением изобретателя, если он осуществил идею, начиная от выбора

материала и кончая сборкой конструкции, исследованием и творчеством играют такую же роль и имеют такое же значение, как и в создании самой идеи. «Странны же, истинный страсти, дающей мелочью инстинкты и на долгое время, одухотворяя работа требует неизмеримо больше чем озарения, как молния, мог смелая идея, часто идущая от случайного наблюдения, от нечаянного совпадения, от нежданной находки».

На Центральной детской технической станции заканчивается действующий макет транспортного узла с автоматической блокировкой. Автоблокировка—дело не новое, но чрезвычайно сложное и трудное. У юных конструкторов весь узел работает автоматически—загорается красный огонь семафора—вагончик останавливается, приближается он к переезду—шлагбаум сам опускается и сам вновь поднимается, как только вагон проходит.

Если припомнить, что работники московского метро, вооруженные несравненно большим опытом, знаниями и средствами, далеко не вступают и вовсе не легко осуществили свою автоблокировку по легкому представителю, напряжению творческой мысли, изобретательности, а вместе с тем и черновой технической

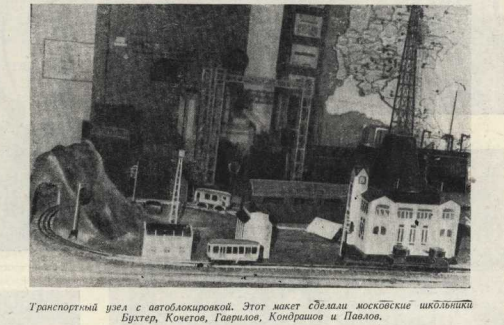
Сейчас мы достаточно говорим и шипим о юных техниках, но, отдавая им свое внимание, не углубляем его и часто ограничиваемся поверхностным достижением. Мы замечаем, что иногда даже самые достойные и талантливые из них вдруг обнаруживают простоту неустойчивости знаний, а вовсе не смелый полет мысли.

В детской газете приводится с явным сочувствием такая «мечта» очень способного юного конструктора, которому посвящена Пелла статья:

«Кто не знает, что вода состоит из водорода и кислорода? А кислород—ведь это душа горения! Без него ничто не горит! Как только кислород соединяется с водородом, простояет воздуха, причем столь энергично, что способен привести в движение любой мотор. Шутка ли! Горячие, которое есть водород, в реке, в озере, даже в водопроводном кране! Кроме того оно неслыханно соединяется, эти два газа снова превращаются в воду. Об этом мечтает Аронов».

И эта идея—«разложить воду, превратить ее в горячее для мотора, газ, который соединяется, вылетает за такую же метну, как метлы Жюль Верна, тепер осуществлены!»

Фото Ю. Пашенного.

Транспортный узел с автоблокировкой. Это макет московские школьники Вухтер, Кочетов, Гаврилов, Кондратов и Павлов.

работы потребовал от юных техников эту транспортный автоблокировки узел, самостоятельно и совершенно оригинально организованный. Все значение этой черновой работы в технике отлично понимают руководители технических кружков. Если юных техник стран, скажем, модель паровоза, то техническая станция иногда облегчает ему труд тем, что дает ему три готовых колеса, но четвертое он обязан выточить сам.

Вот эту «черную» работу в технике, эту последовательность в накоплении опыта, знания мы не всегда замечаем при оценке творческого труда юных техников, а без общественного внимания к этой стороне дела и сами они не ценят ее. Во всяком случае, на Центральной детской технической станции и заметны, что иногда не создают безбрежная отделе моделей, непопадая при демонстрации их. Вам указывают на смелость идей, ведущих далеко вперед, а между тем вагончик соленой железной дороги подталкивают рукой, так как где-то его «заедает»; первый же рельс аэро-воздушной вагона касается коротким замыканием; для того чтобы водный троллейбус своей дорогой, в воде установленной заводки, о которые он тычется носом. Изювины электротриборов небрежна, покраска хороша только на автомодель. На троллейбусе, работающем по электрическим контактам, крутые проволоки с ухватками на концах.

Дело, конечно, не в красоте, но во внешней изысканности, а в том, что верные пробованиями, в которых техника является расчетливостью, тщательностью выполнения, без чего ни одна современная конструкция, ни одна современная машина не может работать.

Но и романтический капитан Нею не пользовался водой в качестве энергетического источника даже для своей подводной лодки. Мечты Жюль Верна исходили из научных познаний, а мечты Аронов игнорируют основные законы термодинамики и физики. Вот об этом-то и нужно было сказать.

Поверхностно возмущенное и снисходительное умиление отношение к благородной юности строит к огромному количеству вытеканию вперед и, главное, исследованию. Ведь мы строим Дворцы инноваций и детские технические станции для того, чтобы помочь детям вырваться на вершины творческой науки, творческой техники, чтобы приучить их совмещать страстность с последовательностью и скромностью, чтобы сделать для них и легким, и приятным, и счастливым переход от моделирования к настоящей технике, к творческому труду в социалистическом хозяйстве. Мы много даем им, и они на много способны. Пусть же они знают, что с них много и спросится, и пусть они будут готовы к тому, чтобы оправдать те упования, которые наша родина возлагает на науку и технику.

Президиум Академии наук СССР постановил украсить стены конференции залом нового здания Академии мармориными досками с высеченным на них завещанием Павлова. Письмо это обращено к юной молодежи, и, когда видишь, скопилось на своем деле, с какой страстностью она отзывается на каждое достижение науки и техники, тогда понимаешь, что эта молодежь достойна тех пожеланий, которыми оставил ей гений русской науки.

Работы юных художников

На этой странице мы помещаем репродукции рисунков и картин, присланные школьниками и школьницами различных городов Союза.

В своем этюде (№ 1), написанном масляными красками, ученик ростовской школы № 58 шестнадцатилетний Ю. Черепанов удачно, с большим чувством передал прелесть весеннего пейзажа и прозрачность мартовского неба.

Эскиз к композиции «Попалясь» (№ 2), над которой работает школьник С. Прохляков (г. Подольск), сделан тезисчески смело и свободно. Некоторые возражения может вызвать содержание картин: трудно поверить, чтобы польские офицеры вели себя столь бесцеремонно в момент прихода Красной Армии. Автору следовало бы подумать над изменением названия картины.

«Композиция» М. Сура (№ 3), ученика 7-го класса миллеровской школы № 5, говорит о большом чувстве декоративности, свойственном юному художнику.

Очень хорош и эмоционален несмотря на некоторую неподвижность «Портрет брата» (№ 4) пятнадцатилетней школьницы Л. Гавриной (Пермь). По мнению художника И. Ф. Юона, видевшего эти репродукции, все четыре рисунка, при известных недостатках, свидетельствуют о хороших способностях юных художников.

«Защита красного знамени». С картины Н. Самокваша.

Лев НИКУЛИН и Александр ФАДЕЕВ

ЮЗОВКА

ОТРЫВОК ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО СЦЕНАРИЯ «ПЕРЕКОП»

Киносценарий Л. Никуллина и А. Фадеева «Перекоп» посвящен последнему атаку гражданской войны.

В ноябре 1920 года Красная Армия прорвала укрепления Перекопа, построенные по новейшему образцу техники того времени. Превосходно снабженная и вооруженная французскими и немецкими империалистами, армия Врангеля была поголом разбита частями Южного фронта и сброшена в море. Операция проводилась по плану замечательного полководца-большевика М. В. Фрунзе. Эпизод «Юзовка» показывает начало разгрома Врангеля.

Разрыв снаряда. Еще два разрыва. Из-за дыма вырисовывается носившийся, непопулярный оторванная вывеска железнодорожной станции Юзовка.

Падает снаряд. Взрывается цистерна с нефтью. Между путями и по путям скачут вэдники.

Отряд красноармейцев отстреливается. Мы видим помешанное от порохового дыма усталое, но мужественное лицо шкатора Матвеевко. Он яростно стреляет. Обращается к товарищам:

— Так ж полк Кушуба? Продал он нас, ей богу продал!

Настояла белая конница. Рубит красноармейцев. Множество вэдников соксакивает с коней. Идет рукопашная схватка. Трое белоэсэдарцев набросились на Матвеевко, подмяли его под себя.

* * *

Одинокий вагон в тупике. Из вагона волокут лысого, одетого во френч человека благообразной наружности. Он потерял голые от страха, еле слышно хрипит:

— Недоразумение! Клянусь вам: это — недоразумение! Господин офицер, клянусь...

Его волокут по путям в здание станции.

Помещение для пассажиров I и II классов. Штаб генерала Борщевского, Полюковича французской службы Дюваль, сопровождающий белую армию в поход, и командующий корпусом генерала Борщевский среди походной, штабной сумки. Открывается дверь, грубо вталкивают человека во френче. Не удержавшись, он падает на пол к ногам Дюваля.

Офицеры, которые приехали паника, положили перед Борщевским сытые бумажки.

— Комисар, ваше превосходительство! Притом из крупных. Борщевский брезгливо придирается к себе бумажки, читает:

«Востраинский совет народного хозяйства».

Настоящий удостоверяется, что предвзятого его товарища Быкова, Николая Николаевича, есть действительно упомоноченный Главтопа по Юзовскому району...»

Борщевский отодвигает бумажку. Поворачивается к офицеру:

— Багажные веревки есть?

ОФИЦЕР. Найдутся, ваше превосходительство!

— Повесить!

Но в это мгновение Борщевский видит повергающую его в изумление сцену. Полюкович Дюваль бережно помогает подняться человеку, упавшему на пол, и провозгласит с ужасением:

— Глазам не верю... Николай Николаевич?

Человек нпадается в Дюваль и говорит изумленно:

— Мсье Дюваль! Корж Альбертович!

Офицеры, которые приехали паника, до крайности удивлены. Еще более удивлен Борщевский.

ДЮВАЛЬ (Борщевскому). Николай Николаевич Быков — председатель правления смешанного русско-французского общества дочерних русских «Провансас». Я сам являюсь председателем Французской части правления.

БОРЩЕВСКИЙ (Быкову). Однако этот мандат... вы у «них» служите?

БЫКОВ. Защитный цвет, господин генерал! По бумагам я советский служащий, инженер Быков, командированный Главтопом в Донбасс. Я сам выбрал это место... доверился к Дювалю — и, как видите, не случайно мы встретились.

ДЮВАЛЬ. И мы выбрали направление удара именно сюда. В Донецкий бассейн. И, как видите, не случайно...

* * *

Внутри темного багажного сарая пленные красноармейцы. Иные спят, скорчившись в темноте. Непонятный свет, должно быть, от железнодорожного фонаря, брезжит в щели. Видно заблуждение, умило, грустное лицо Матвеевко, который сидит, обхватив колени руками.

* * *

В маленькой гостиной, по которой в беспорядке разбросаны предметы офицерского обихода, сидят Дюваль и Быков. Они курят сигары. Дюваль говорит уверенно, с оттенком снисходительности:

— Мы приехали Врангеля. Он получил от нас все, что ему нужно, и советами будет покончено. Нельзя больше терпеть подобного положения в Европе.

БЫКОВ (почтительно). Но как вы представляете себе наши, так сказать, коммерческие отношения в будущей России?

ДЮВАЛЬ. Об этом можно говорить пока в общих чертах... (И сразу с ея в гостиную.) Террагорально нас бы устроило побережье Черного и Азовского морей.

БЫКОВ В качестве... комиссио? **ДОВААБ**. Нет, скорее, в качестве малайской территории. Затем — железные дороги России, для обеспечения ваших платежей по старым и новым долгам. Хлопоты области: Украина, Дон, Кубань — реализуем свой урожай с нашей помощью. И, наконец, Дюбассе... У англичан есть кое-какие планы в отношении Кавказа. Но это, как вы сами понимаете, нас мало устраивает.

БЫКОВ (с беспокойством). Вы сказали — Дюбассе? **ДОВААБ**. Да... Но русские промолчали, разумеется, получат известие о коммюнизме. Вы, Николай Николаевич, как человек, связанный с нами, можете быть уверены в том, что ваши личные интересы...

БЫКОВ (встает). Мерси, Жорж Албертович... Но... даже и считая ваши desiderata... как бы вам сказать, несколько преувеличенными.

ДОВААБ (поворачивается к Быкову, поднимает в изумлении брови и говорит с нескрываемым презрением). Даже вы!.

Стенная балка. Расположилась полк под командой командира из партизан Фомы Куцуба. Песмурю. Мокрая трава. Пугающий дождь у шуметов. Цепь стрелков — по краю балки.

Видны балки, в окружении командиров, сидит Куцуба, играет палку. Перед ним разоруженный комиссар Кузнецов под коноводом двух ухарского вида бойцов легкой разведки, с пистолетом, с красными бантами на запястьях. Подполз угромо стоит кучка бойцов, среди них Катерина.

КУЗНЕЦОВ. Что, добился своего? Продад товарищей?

КУЦУБА. Видать, забыла ты воинский долг, бывший наш товарищ Кузнецов! Вот уже предсташь скоро перед судом революционного трибунала.

КУЗНЕЦОВ. Я революционного трибунала не боюсь. Он найдет правду.

КУЦУБА. Придется тебе ужко искать правду на небо, у самого господ бога...

Одни командиры смеются, другие невольно отводят глаза.

Группа бойцов. Говорит Катерина: — Да что же это мы, братики дорогие! Да разве ж ты нам знаешь, что товарищ Кузнецов — это первый наш товарищ комиссар!

Среди бойцов возмущение.

КАТЕРИНА. А ну, пошам... спросим, за что арестовали нашего комиссара.

Катерина во главе бойцов подходит к Куцубе: — Скажите, товарищ командир, за что держите под арестом товарища Кузнецова? Бойцы интересуются.

Куцуба некоторое время смотрит на них, потом подмигивает одному из командиров своей группой: — Убери бабу...

Командир разнузданно в глаза подводит к Катерине и хочет взять ее. Молодой безусый красноармеец вырывается из группы, истерически кричит: — Не смей трогать женщину!

В это время в балке появляются верхами Фрунзе, Ястребов и Снетков в сопровождении охраняющих.

КУЦУБА. Смирно! По-фальшивски взяв под козырек, идет к Ястребову с рапортом.

Ястребов прорвет мигает в сторону Фрунзе: — Командующему! Командующему!

Куцуба подкакивает к Фрунзе: — Товарищ командующий, непобедимый имени товарища Ястребова полк...

ФРУНЗЕ. В Рабоче-Крестьянской Красной Армии такого полка не числится. Отступай руку! (Вдруг замечает арестованного Кузнецова.) Это что такое?

КУЦУБА. Арестован за то, что сманивал бойцов уйти с фронта и нарушил приказ высшего командования о наступлении.

КУЗНЕЦОВ. Ажечь, бананит (Порывается к нему).

КАТЕРИНА (бросается к Фрунзе). Товарищ командующий! Все неправда. Как было на Юзовку плам, товарищ Кузнецов волею в бою, иди а вот товарищ командир его за то заарестовал. Все наши бойцы очень недовольны.

ФРУНЗЕ. Товарищ Куцуба, объясните на каком основании вы не выполнили приказа об обороне Юзовки?

Куцуба покаялся на Ястребова. Ястребов непроизвольно.

ФРУНЗЕ. За неисполнение приказа командования смещая вас с должности и предаю суду революционного трибунала.

КУЦУБА (бойцам и командирам). Скажам, братцы! Куцубу на тот свет, на казнь! Довола. А на его место золотопотника поставят. Вот как губит революция, братцы!

Командиры и удаляе, ухарского вида хлопцы — теохрани-толы Куцубы — поднимает крик: — Несогласны! Не далим Куцубу! Не старый режим! Кто ты такой, чтобы распоряжаться?

Фрунзе поосторо время молча смотрит на них, затем поворачивается к Ястребову.

— Товарищ Ястребов! Распорядитесь арестовать и обезоружить Куцубу и освободить товарища Кузнецова.

Ястребов спешивается, с непроизвольным лицом медленно подходит к Куцубе, протягивает руку за мушкетер.

— Ах, вот как! — оцетанившись, кричит Куцуба. — Продад товарища?

ЯСТРЕБОВ (стремно). Молчать! Расложился, подлей! (Срыгает с него мушкетер) Визь его!

Куцуба арестовывает.

ФРУНЗЕ (к Кузнецову). Как же так случилось, что вы не выполнили приказа командования? А я на нас належал...

Кузнецов молча склоняет голову. Катерина сочувственно смотрит на него.

ФРУНЗЕ. Вы должны исполнить этот пороз своей доблести. Назначте нас командиром полка. Вы должны выбить противника из Юзовки, не медля ни часа. Я и товарищ Ястребов пойдем вместе с вами... (Спешивается.)

Слышн голос Кузнецова: — По местам! Командиры, ко мне!

Балка пришла в движение, играет горнист.

Из балки подымаются ола за другой цепи. Шагает Кузнецов, кричит Катерина. Слышен горист артиллерийского выстрела. Крики «ура».

Генерал Кутасов перед шеренгой планских красноармейцев на площади: — Коммунисты и комиссары! Три шага вперед — шагом марш!

Из шеренги выходит несколько человек. Мы видим в шеренге Матвеево. Он чуть подумал, покалебася и тоже вышел вперед.

И вдруг, точно эхо, раздается где-то в стороне гудяки раскат артиллерийского выстрела. Кутасов полна, тоному, настроенные офицеры у шуметов. Насторожились планные. В то же мгновение с грохотом разрывается снаряд, попавший в цоколь.

Мы видим внезапно просившие ола Матвеево. Один за другим на площади разрываются снаряды. Слышен близкий рокот взрывов. Крики «ура».

Больша бегут. Бежит Кутасов.

Планные бросает вверх фуражки, кричат «ура». Все застывает дымом.

В садике у дома полна, где только что находился штаб Кутасова, происходит заседание полковой коммюнии. На скамейках у столика сидят бойцы и командиры. Иные стоят. Среди бойцов и командиров Фрунзе и Кузнецов.

— Как он скандовал! коммунисты и комиссары вперед... — говорит секретарь ячейки, обращаясь к Фрунзе, — вы все выпали, глядящим и Матвеево с нами.

ФРУНЗЕ. А нехаль а его позывет? Кто-то устал и отпривался за Матвеево.

(Т е ж е и М а т в е е в о.)

— Фрунзе. Что побуждало вас так поступить? Ведь если бы вот товарищ Кузнецов с полком (указывает на Кузнецова) не подошел на помощь, мы погибли бы вместе со всеми этими товарищами.

МАТВЕЕВО (не много с мушкетером). Да ведь как сказать... Коммунисты, говорят, вперед... мне вроде уже и советно было остаться.

ФРУНЗЕ. А вы не считаете, что вам следовало бы вступить в партию?

МАТВЕЕВО (смущенно). Рекомендаций нет, товарищ командующий... Я ведь в полку человек новый.

ФРУНЗЕ. А вот товарищ секретарь ячейки вас хотило рекомендовать. А вторую рекомендацию воту я вам даю. Согласны?

МАТВЕЕВО. Согласен. Может, неист науки и еще слаб, но одно знаю твердо: где Ленин, — там правда, где большевики, — там правда.

В это время из-за кустов выходит Катерина: — Извините меня, братья-товарищи, что вопала без спросу... Я себе так решила: как возьмут товарища Матвеево, попошусь и я в партию... Чи возмоще вы меня чи нет?

ФРУНЗЕ. Выдали вы такую? (Смеется.) Как ваше мнение, товарищ Кузнецов?

КУЗНЕЦОВ. Молчу поручиться головой, что Катерина Голабево — первый наш товарищ, полная коммунистка!

ФРУНЗЕ. А вторую рекомендацию опыта, вы видите, мне давайте? (Смеется.) Вот она откуда идет, потибал Врангел!

ГИБЕЛЬ мистера ХИТТИНБОТАМА

Наталиэль Готорн (1804—1864 гг.) — выдающийся американский новеллист середины XIX столетия.

В его романах, посвященных большей частью жизни порабощенных англичанами и американцами, бегство из-под ига сочетается с романтической фантазией поэта. Его искусство современности и соответствующее своеобразие знаменуются им словом «Фантом», литературное мастерство Готорна ставит его на одно из первых мест в американской литературе прошлого века.

Печатальный текст романа включен в сборник «Американская новелла XIX века», который в скором времени выйдет в Гослитиздате.

Однажды по Морристанскому дороге ехал молодой парень, табачный торговец по ремеслу; он только что продал большую партию товара старости обитавшей и теперь направился в город Паркер Фоллз, где на Самсон-ревер, у него была слезная мальская тележка, выкрашенная в зеленый цвет, на боковых стенках которой изображены были по зеленым краям белая и золотой стембел табачка. Торговец, сам правивший резной маленькой лошадиной, был молодого человека весьма приятного нрава и хотя умел бросить слово выгоду, но тем не менее пользовался неизменным расположением янки, от которых и не раз слышал, что уж если быть британом, так лучше быть британцем, чем индейцем. Особою любовью его пользовались девушки с берегов Коннектикута, шедь угодливости он не раз добивался, целю отличая их лучшим образом своего товара, так как знавал, что деревенские красотицы Новой Англии — завязные куряльщицы табачка. Ко всему тому, как видно будет из моего рассказа, торговец был крайне любознател и даже багитин, и его всегда так и зудило разузнать больше новостей и поскорее перестать их другим.

Подобрав на рассвете в Морристанге, табачный торговец — его звали Доминикус Пайк — тотчас же тронулся в путь и семь миль проехал глухой лесной дорогой, не имея с собой лошадей, кроме своего и как и свой койбалы. Был уже седьмой час, и Доминикус испытывал такую же потребность в утренней порции слеза, как лавочник — в утренней галете. Случай как будто не являлся предостережением: только что он закурил сигару с помощью зажигательного стекла, как на вершине холма, у подножия которого он оставил свое животное, лежачу, повалился человек, который, по словам Пайка, был индейцем. Доминикус успел разглядеть, что он несет на плече узелок, висящий на палку, и продолжает вперед, усталым, но решительным шагом. Так едва ли шагал бы человек, начавший свой путь в свежей прохладе утра; скорее можно было заключить, что он шел всею волюй напролет и собирается идти весь день.

— Доброе утро, мистер! — сказал Доминикус, когда тот почти поровнялся с ним. — Шагаете вы исправно. Что поеньского в Паркер Фоллз?

Сропневный торолондо нагнув на глаза широкополую серую шляпу и отвечал довольно утромно, что идет не из Паркер Фоллз, который, впрочем, был самым близким местом, потому что то была конечная цель его путешествия.

— Нужды нет, — возразил Доминикус Пайк, — послушаем, что новенького там, от-

куда вы идете. Мне бы Паркер Фоллз, что не Паркер Фоллз. Были бы новости, а откуда, — невняжно.

Была подобная настойчивость, пугавшая, являвшая собой, почти сказать, фигуру, с какой ничто не пожелал бы повстречаться один на один в глухом лесу, заколебавшись, то ли отослаться в памяти какой-нибудь новости, то ли раздумывая, рассказать ли их. Наконец, ступив на подножку, он стал шептать Доминикусу на ухо, хотя даже кричи он не вошел горло, и что ни одна живая душа не услышала бы в этом шумном месте.

— Вот есть одна маленькая новость, — сказал он. — Вчера, в восемь часов вечера, мистер Хиттинботам из Кимбалтона поехали в его собственном фруктовом саду дже, приладил и негр. Он задержал его на сук груши святого Михаила, зная, что там его до утра никому не найти.

Сообщил это странное известие, незнакомец тотчас же зашагал своей дорогой еще быстрее прежнего и даже не повернул головы на угрозы Доминикусу выкурить испанскую сигару и поподорожью рассказать о происшествии. Торговец свистнул своей лошади и стал подниматься в гору, размышляя о горестной судьбе мистера Хиттинботам, который был в числе его клиентов и перебрал у него немало девятнадцатых сигар и листового табачку для самкуртки. Несколько удивляла его быстрота, с которой новость распространилась. До Кимбалтона было добрых шестидесять миль прямого пути; убийство совершилось только в восемь часов вечера накануне, однако он, Доминикус, узнал об этом уже в семь утра, в тот самый час, когда, по всей вероятности, близке бедного мистера Хиттинботам только что обмывали его труп, бросившийся на груше святого Михаила. Чтобы пешком покрыть такое расстояние за такой короткий срок, незнакомец должен был иметь семилетний слонот.

«Говорит, худая вещь без крыльев летит, — подумал Доминикус Пайк, — но это выходит даже почие железной дороги. Надо бы президенту назвать этого молодца в свои личные курьера».

Вернее всего было предположить, что незнакомец попросту ошибся на один день, говоря о совершившемся злодействе; поэтому наш друг без колебаний рассказывал новость во всех встречных тавернах и молочных лавках и до вечера успел не менее двадцати раз повторить ее перед соборием потрескавшихся слушателей, а заодно и распорядит немалый ящик испанского бандерольного табачка. По-

скольку он оказался первым вестником случившегося несчастья и его так осыпали расспросами, что он не успевал перед испытанием заполнить некоторые пробелы в рассказе и мало-помалу встал вполне связную и правдоподобную историю. Один раз ему даже представился случай поподорожью свой рассказ свидетельскими показаниями, Мистер Хиттинботам был купцом, и в одной деревне, среди тех, кому Доминикус рассказывал о происшедшем, случился боцман — был констебль, который подтвердил, что почитенному должителю свойственна была привычка поolverче возвращаться дома с деньгами и ценными бумагами в кармане через фруктовую корзину. Констебль не выразил большого горячения по поводу гибели мистера Хиттинботам, намекая, что покойный — что, впрочем, торговал, зная и по личному опыту — был консерватор, стариканка, кулак и скрита. Все его состояние должно было теперь перейти к хорошей семье племянника, школьной учительнице в Кимбалтоне.

Проволя вперед в рассказе и торговле с любовью для других и с выгодой для себя, Доминикус так задержался в пути, что решил остановиться на ночлег в придорожной таверне, не дожидая миль пути до Паркер Фоллз. После ужина он уселся у стойки, закурил одну из лучших своих сигар и начал рассказ об убийстве, который к этому времени обогатился уже столычными подробностями, что по началу было не менее поучительно, чтобы доскадило его до конца. В комнате находилось человек двадцать, и двенадцать из них принимали ладное слово торговца за сентугов истину. Двадцатям же был покойной фермер, который незадолго до того верхом приехал в таверну и сидел теперь в уголке, молча покуривая трубку. Когда рассказ был окончен, студ, вставая его напротив Доминикуса и, усажив, пустая ему прямо в лицо столько такого отрицательного табачного дыма, какого тому никогда не доводилось слышать.

— Беретесь ли вы подтвердить под присягой — спросил он тоном судьи, уминовшего допрос. — что старый скавай Хиттинботам из Кимбалтона был убит поolverче веером в своем фруктовом саду и вчера утром найден повешен на большой груше?

— Я только рассказываю, что сам слышал от других, мистер! — отвечал Доминикус, уронив недожуренную сигару. — Я не говорю, что видел это своими глазами, и не стал бы присягать, что дело произошло в точности так, как мне передавали.

Рисунок В. Горсаева

Сообщил это странное известие, незнакомец тотчас же зашагал своей дорогой.

Риогот удивления прошел в толпе при виде рокового и сплюсшего личика той, которая, по уверению паркервольдского «Курьера», лежала в обмороке на пороге дома скорбию, лежала в обмороке, нахмурившись, задравшиеся люди с самого начала сомневались, станет ли молодая племянница проявлять столь безудержную горе по поводу смерти старшего дядюшки.

— Как видите, — в том, что касается мисс Хитгинботам, — в том, что касается мисс, эта странная история лишена всяких оснований, и я беру на себя смелость утверждать, что так же обстоят дело и с мисс и донорскими дядей Хитгинботомом. По доброту сердца он предоставляет мне кров в своем доме, хотя и зарабатывая в свое содержание уроками в местной школе. Я выехала из Кимбалтона сегодня утром, намереваясь начать началом семестра провести неделю у подруги, живущей в пяти милях от Паркер-Фолла. Мой велосипудный дядя, добрый человек, оставил на дачнице несколько мешков с своей постелью и два мешка доллара и пятидесяти центов на проезд и еще доллар на непредвиденные расходы. После этого он полагал бумажанин под подушку, пожелал мне руку и посоветовал положить в сумочку немного печенья, чтобы не гнаться на завтрак в дороге. Поэтому я с уверенностью говорю, что оставил своего нежного любимого родственника живым и здоровым, каким надеюсь застать его и по возвращении.

Тут мисс Хитгинботам присела и тем закончила свою речь, которая была так разумна и складна и с таким тактом и изяществом произнесена, что все сошлось молодую девушку достойной места наставницы в лучшем учебном заведении штата. Однако человеку изобретательному могло бы показаться, что мисс Хитгинботам служила в Паркер-Фолле предметом всеобщей востановки и что гибель его рассматривалась как особая благодетельная судьба, — так велика была ярость жителей горючка, когда они обнаружили свою ошибку. Ничто не спасло бы Доминику Сайку от расправы толпы или от сканды покусудимых, если бы не красноречивое заступничество молодой дяди. Сказав несколько протестуэтивных слов своей благодетельнице, он уехал в дальнюю деревню и выехал из горючка под обстрелом артиллерии школьников, черпавшей ведрошны припасы в мусорных ямах и стоичных канавах горючка.

Но вот солнце пришло бедного Доминику, а и грязь как зюмбала всякого неслучайного позора выскола и легко свистялась. Добродушный по природе, он скоро обмордился и утешился и даже не мог удержаться от громкого смеха при мысли о той курьезе, которую наделал своим рассказом. Абинши горючка старшина заставил переловить всех борющихся старши паркервольдского. «Курьер» будет перечената всеми газетами от Мэйна до Флориды, а может быть, пометят и в лондонскую печать, и немало скупош становится доро-

жить за свою жизнь и за свой денежный миг, узнав об ужасной гибели мистера Хитгинботам.

Доминик теперь держал нуть к Кимбалтону заставе, приняв твердое решение побыть в Кимбалтоне, несмотря на то что это заставляло его значительно укрытиаться от прямого пути.

— Нусть мена самого повесть! — вскричал Доминику Сайк, в езда на вершину одинокого холма. — Но я поверю, что старый Хитгинботам не повелит, только когда увижу его собственными глазами и услышу об этом из его собственных уст. А так как он известен плугу, то я еще погубую, чтобы явственный или другой почтенный человек поручился за меня.

Уже темнело, когда он во ехал к сторожке у Кимбалтону заставы, отстоявшей примерно на четверть мили от горючка того же названия. Серая кобылка бесала резво точно на галла трусиного вперед верного, который миновал шлагбаум на несколько минут раньше Сайку, кинул стожок и продолжал свой путь. Доминику звал сторожа и раньше и покуда тот отчитывал слуху, обменялся с ним обычными замечаниями о погоде.

— Скажите-ка, — спросил торговец, заносит куд, чтобы легче переиска коснуться на кругом бока кобылки, — не выдала вы за последние дни — два старого мистера Хитгинботам?

— Как же! — отвечал сторож. — Он только что перед вами проехал заставу, и он сейчас еще вышло его, если вы можете разглядеть в темноте. Он идиче ездил в Вудфильд на торж. Обычно старик останавливается подворожью со мной и потопытает о том, о сем, но сегодня он только кинул, и только хотел сказать: «Получите, что следует», — и проехал дальше; он, видите ли, где бы ни был, а в восьми часам непременно возвращается домой.

— Да, и слышал об этом, — сказал Доминику. — Никогда не видел, чтобы человек был так желт и худ, как этот старый скайр, — продолжал сторож. — Сегодня я, как и всегда, так сейчас же и возмудил: старик бросил похок на привидение или на мумию египетскую чем на живого человека из плоти и крови.

Торговец, наиртая глаза, вгляделся в подруги и далеко вперед слыту различил фигуру одинокого всадника. Ему показалось, что он узнал сына мистера Хитгинботам, но вчерние тени и туманы, что казался, будто все фигура таинственного старика выплывала из мглы и сумрак сумерек, и Доминику видноруча. «Это он с того света возвращается через Кимбалтонуку заставу», — подумалось ему. Потом он дернул поводья и поехал вперед, держась на прежнем расстоянии позади серой тени старика, покуда та не исчезла за поворотом дороги.

Доминику не раз случалось бывать в этих местах, и серая кобылка сама остановилась, потому что, думая о своем, он позабыл извигнуть поводья. «Куд я и вельды, если проеду мимо этих ворот», — сказал он себе, весь дрожа. — Не знает мне покоя, покуда не погину, вист мистер Хитгинботам на груше святого Михаила или не вистит. Он соскочил с зеленой тележки, накинул поводья на столб у ворот и пустился бежать по лесному участку так, словно востановил сила гнался за ним по пятам. В это самое время часы на башне начали бить восемь, и с каждым ударом Доминику приближал колу, пока, наконец, на открытой полянке, посреди фруктового сада и обрословых в поустеях, он увидел дерево. Огромный скал, отделившийся от узловатого искривленного ствола, торчал поперек дороге, отбрасывая густую тень. Визну под дуком как будто что-то шевелилось.

Наш торговец никогда не приписывал себе большой храбрости, чем полагается мирным людям его профессия, и сам не мог бы объяснить, откуда велелось у него такти пруть в это решительный миг. Достоверно, однако, что он бросился вперед, ударом кнутовища шиб с ног азтровенного ирландца и увидел перед собой мистера Хитгинботаму собственной особой, который, правда, не висел на груше святого Михаила, но стоял под ней с веревкой на шее.

— Мистер Хитгинботам! — сказал Доминику дрожащим голосом. — Вы честный человек, и я вам поверю на слово. Скажите мне, поехали вы или нет? Если читатель до сих пор не разгадал еще секрета, достаточно будет нескольких слов, чтобы объяснить ему велосипудную механику, благодаря которой это грядущее событие «открылось своей тень» в Трое дядей старовидных убитых мистера Хитгинботам; двое из них струсили и бежали один за другим, тем самым оттягивая преступление каждого на один день; а третий уже начал приловчиться замаскироваться, когда был азтвигнут неожиданным спасителем, который явился в лице Доминику Сайку подобно герою старинных преданий, повинуясь слезу земл судьи.

Остается только сказать, что с этого дня старши мистер Хитгинботам прописся необыкновенным расположением к табачному торговцу, блиставшая его горькая, когда был азтвигнут неожиданным спасителем, который явился в лице Доминику Сайку подобно герою старинных преданий, повинуясь слезу земл судьи.

Перевод Е. Калшичковой

Михаил МАТУСОВСКИЙ

СКОРЬИ НА БРЕСТ

Маленькая женщина, перед тем как выйти на станцию,
Доверла мне ребенка — он послушно повисл ко мне.
За время войны и странствий в негословом скором воезде
Он привык к добродушным людям с оукувом на ремне.
Смеркалось, но так настойчиво, что мы ичето не виделись.
Кроме окопных пролесков и вечной воины колесс.

Мы узнавали свистунок по голосам, по намяти,
По утреним впевавшим, по огненным павирис.

Трудно было поверить, что может быть, скоро
Ковчига

Эта череполопка галавм френкер,
Эта ночная музыка торнома Вестингуа
И хвиче лесенок, тамбуров и даярей.

Трудно было поверить, что это не лял
Слепления,
Не будни простого поезда, не проза плацкартных мест,

А путь в перекрестный ветер, и беззвездное
Месиво мрака,

В страну вдохновенных замыслов, в святивший
Город Брест.

В. ВИКТОРОВ

ЭТО были сильные, молодые люди. Чувствовалось, что они много времени проводят на солнце, на воде. Натурально было заметить, также, что все они привыкли друг к другу и между ними установились те непринужденные и дружеские отношения, которые обычно возникают, когда победы и поражения делятся на девять равных частей.

И вот девять рослых людей мрачно сидят вокруг стола в номере гостиницы. Это московская команда «Спартак». Ей очень не повезло. Она упорно готовилась к встрече с прославленной ленинградской командой забережного Сормовича и в итоге, на финише утратило его вытупить самый тихий ходный скиф. Известно было заранее, что эта лодка проигрывает лодку ленинградцев пятнадцать секунд, хотя обе они числятся в одном классе.

Далеко за полночь гребцы обсуждали тактику завтрашней схватки. Гонка в предстояла на классической дистанции две тысячи метров, по широкой, поволоковой Неве.

И вот настал день, который должен был решить все. Со старта лодки выжили ровно, несмотря на то, что московские гребцы в первых же ударах начали сплываться.

Это стремительно, как удар весла, словно «спурт» хорошо знают гребцы. В нем таится и победа, и поражение, и боевой логос, и мучительная усталость. Спурт — это внезапный всплеск энергии. По сигналу рулевого гребцы меняют темп, увеличивая количество весельных ударов до тридцати шести — тридцати восьми в минуту. Рулевого кричит: «Под!» легко, что вы делаете?» Гребцы понимают, что значит это — заранее условленный фраза. Она скрывает от соперников истинный смысл команды: «Спурт — делайте удар!»

Сильный спринт, но спурт отбывает постепенно. Рулевого молчит. Но его ладони ритмично ударяют три раза по бортам лодки, и в ответ на

этот безмолвный призыв гребцы дают тридцать восемь ударов в минуту. Так, выносив друг друга ударами скорости, несутся через двадцатиметровые аквированные лодки.

Обычно спурт применяется на середине дистанции, ближе к финишу. Восемьдесят «Спартак» решила начать гонку со спурта, но тут, вероятно, столкнулись одинаково стремительные лодки. Лодка Сормовича шла в таком же невероятном темпе, не оставив ни на кончик носа.

После одного из внезапных и стремительных спуртов лодка московской ушла вперед. Но тут же ленинградцы настигли ее и обогнали. Двадцать мощных ударов, от которых гнулись основные весла, московцы уинтовали пролет. Теперь опять лодки шли ровно.

Тысяча пятсот метров были уже пройдены. За поворотом угадывалась финиш. И тогда рулевого крикнул: «Тридцать сильных!»

Москвичи начали свой последний бросок. После первых десяти ударов гребцы уже не чувствовали весла, они стали как бы продолжением их. Тотчас вылазка повисла до них команда рулевого, они забавлялись, как они и что делают. Но ни один из них не прекращал спурта. Скользя на поводящих сиденьях (банках), гребцы то сжимались в комки, то расширялись в едином усании. Рольки под банками, раскачиваясь по слоидам (реальсам), сметка потрескивали. Лодка шла в стремительном темпе, в волно, не оставив, несслась лодка противника.

Только у самого финиша команда, записавшая честь общества «Спартак», вырвалась вперед.

Восьмь гребцов сидели, не двигаясь, опустив головы на руки. Крутом было тихо, очень тихо. Это поразило и ослепило их: «Что же победит?»

Победа! Фербри — истинный проповедник естественных движений в гребле. Он напи-

сал книгу, в которой восстановил историю гребли против ружья.

Это было очень смелое выступление. Десками лет скаль дывался в Англии стаял гребли, и каноны этого стаял гребли осцилины традиционной стаял. Гребцы в лодках сидели прямо, словно аршин проглотили. Их спины были абсолютно ровными, даже немного выгнутыми, а руки напряженно вытянутыми. И вдруг учитель гребли кембриджских колледжей Фербри проповедует окружаю спину, расслабляющую руки. Он заявляет: «Гребля должна основываться на естественных движениях».

Каков свободомыслие! Каков святотатство! Возмущение триумфальных гребцов было столь бурным, что учитель кембриджских гребцов вынужден был немедленно покинуть Англию.

Фербри поселился в Амстердам. Он снова и снова на практике убеждался в своей правоте. На родину Фербри вернулся уже пожилым человеком в оросе славы, он считался лучшим тренером.

Книга Фербри «О гребле», появившаяся в 1935 году в руке советских гребцов, была ими изведена с вершин спортивной борьбы на положение технического руководства. Преподаватель Московского института физкультуры Патрин и группа студентов гребного отделения тренерской школы (Смирнов, Барановский, Троицкий, Поляков и др.) привлекло одного из талантливейших этой книги кембриджский тренер разработала самый существенный момент в гребле — взаимодействие весла и воды.

Популяруя весло в воду, как будто вы уже гребете, и палестало в него всей своей тяжестью — одно из главных открытий Фербри. Меньше заботы о выправке! Победу приносит не красивая выправка, а дана удара. Пусть округлая спина гребца, зато нет мертвого, тяжелого удара. В лодке надо держаться естественно, свободно, так, чтобы

провести весло под водой сильными и эластичным движением. Все эти истинны Николай Патрин — это товарищи гребцы пришли на деле. Они считали, что движения гребца в лодке должны быть, как бы закрученными. Весло должно отбрасывать воду как можно быстрее и дальше. Пенялся вода — вот свидетель хорошего гребца. А как бугорки выскользнула, — не так уж важно: в постоянных упражнениях она все равно крепнет, закаляется.

Когда река затонула в туман и слыши были углубили в эллинги, Патрин и его товарищи продолжали гребти. Они собирались в греблю бассейна. Посредством опасного сараи стола неподвижный плат с сиденьями для гребцов. Вокруг плата тянулася канва с водой, и эту воду гребцы гоняли веслами, разучивая основы новой техники. Здесь и возникла выдающаяся восьмерка «Спартак».

Летом 1936 года произошла знаменательная встреча московской с ленинградской. Уроки Фербри не прошли даром: Победа над лодкой Сормовича убедительно доказала это. Восьмерка «Спартак» была признана сильнейшей командой страны. Но понадобился еще год, чтобы разработать в деталях удачно выведенный в прошлом году темп, от которого отшлифовали новую технику, но и добиться того великолепного единства, когда восьмерка — это единый организм шестнадцатипятиугольника.

Несколько лет восьмерка «Спартак» была непобедима. В прошлом году лодки разбежались: часть гребцов перешла в общество «Крылья Советов» и образовала там свою восьмерку; другая часть перешла в «Спартак» и пополнилась гребцами сивнейшей четверки страны. Тренером обновленной команды «Спартак» стал Николай Патрин.

***

Ранее майское утро. Тихо и прозрачно в эти часы Московского озера. Это все рассвет, полноводие. В эллинге пахнет лаком, масляной краской. «Шестая мила» — лодка спартиковской команды — тихо дремлет на здании. Восьмь гребцов поднимают ее и несут к воде. Команда готовится к отплытию. Вдруг слышится сигнал пирокса перед традиционным весенним соревнованием на приз «Вечерней Москвы». Уже два года подряд призы прижизненно завоевала восьмерка «Спартак». Кто получит его в этом году? Ведь у спартиковцев — «взрешная» команда «Крылья Советов».

Последние приготовления. Гребцы проверяют весла, уклады банки. Это все рассвет, крикливо люди. Средний рост команды — 178 сантиметров, средний вес — 71 килограмм. И в рост решают мажорного гребца. Но не меньше значительна имеет сила воли команды, дисциплина, которая сивней индивидуальности восьмь гребцов.

Вот приливает весла забережной Троицкий. Это восьмая

«ЛЕТАЮЩАЯ ПУШКА»

номер — первое лицо в команде. Его место на корме, перед греном. Третьим — энергичный уравновешенный человек. Он прекрасно чувствует команду. Хотя во время гонки не видит никого из товарищей: они все сидят сзади него. Настроне команды задний гробовой углубляет по урву весла. Восмой номер передает команду темп и должен заставить команду принять этот темп во что бы то ни стало.

Позади гробового сидит седьмой номер — Барановский — вожак левой (выковой) стороны лодки. Он первый доплачивает весло, сильный человек, совершил по точно чувствующий то, что хочет забрести, и передающий это желание туда, вперед, в «машинное отделение».

«Машинные отделения» называют шестой номер (Шереметьев), пятый (Тимошин), четвертый (Авуктин), третий (Хренников). Это самые сильные люди в лодке.

Удар, зарывшийся на корме, под весом гробового, принятый и то же мновение седьмым номером, здесь, в «машинном отделении», разлетается в четыре весла. Четырежды мощный удар, от которого вода всплескает бурными, движет вперед лодку, и удар этот как бы перекатывается с сиденья на носу второй и первый номера (Полюков и Рогачев). Их так и называют — гробовики «на подхвате». Они физически менее сильны чем остальные гробовики, но техникой владеют в совершенстве. Их задача — держать равновесие лодки.

Деятый член команды сидит у руля: это тренер Николай Патрин.

— Гробы на своих местах. Их края удержаны ремнями, весла на воде. Короткая команда — и скиф отвалился от берега, развернулся и пошел вперед по течению реки.

Натягнется сложная, кропотливая отработка техники. Так же, как на россейном оркестре дирижер слушает отдельные группы инструментов, так и тренер восьмерки дает сначала команду двум гробовым, затем четверым, и вот, наконец, лодка летит в полную силу всех восьми весел.

* * *

В один из солнечных майских дней этого года гребцы из команды Центрального парка культуры и отдыха, расположенные на берегу Москвы-реки, были заняты в московском Прямомолом интеренное зрелище — эстафета на дистанцию 500 метров.

Три восьмерки: «Спартак», «Крылья советской» «Зураб» — неслись вперед, оставив позади кряхтевший на единие след. В такие минуты зрители немыслимо о том, чтобы время остановилось, чтобы можно было смотреть и смотреть на этих ловких и сильных людей, стремительно движущихся лодку вперед дружными ударами весел.

Но даже знатоки гробов, которые собралась здесь немало, начиная от седоватого гробового Соснинакова, победившего в свое время английских гробовиков, и кончая юными с учебной лодки, не успев запечатлеть этих воздушных ударами весел.

Восьмерка «Спартак» первой пронеслась мимо судейской лодки, и медный гонг известил о победе.

Еще во время авиарной войны 1914—1918 годов авиаторы выдумали держав струю сделать бомбометание наиболее метким, пытались применить сбрасывание бомб с пикирующего полета. Но воздушные аппараты того времени были слишком хрупкими. Они не выдерживали большой перегрузки, связанной с длительным пикированием самолета, и не могли поднимать бомбы большого калибра.

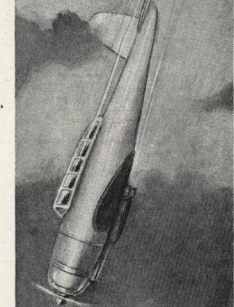
Практически эта задача была разрешена только после. С 1927 года некоторым странам начали проводить опыты бомбометания с пикирования. А в 1931 году в Соединенных штатах Америки, на маневрах, впервые была проведена бомбардировка кораблей с пикирующих самолетов.

Война в Испании, а затем и германо-польская война 1939 года показали, что новый вид воздушной бомбардировки можно широко применять. Известно, например, что линкор японского «Сэпэй» был потоплен двумя бомбардировщиками, атаковавшими его с пикирования.

В первый же день германо-польской войны, 1 сентября 1939 года, оскардиль германских пикирующих бомбардировщиков совершили вылеты на важнейшие стратегические пункты и промышленные центры противника. С одинаковым успехом они уничтожали не только крупные объекты: заводы, аэродромы, скопления войск и железнодорожные узлы, — но и также трудно уязвимые цели, как мосты, долговременные огневые точки (ДОТ) и штабы.

Военная пресса всего мира заговорила об успешных действиях пикирующих бомбардировщиков. Союзники, не имеющие таких самолетов за вооружения своих воздушных флотов, срочно заказали эти машины различным авиационным фирмам.

Еще шире применяются пикирующие бомбардировщики на западном театре второй мировой войны в Европе. По немецким данным, с 9 апреля по 3 мая германская авиация потопила и вывела из строя более 80 военных и вспомогательных кораблей союзников. Прямыми попаданиями бомб за это время были повреждены 6 английских линкоров (в том числе новейший находящийся в строю линкор «Роуле») и выведены из строя 3 авианосца, около 20 танкеток и легких крейсеров, более 10 эсминцев, несколько подводных лодок и большое количество военных транспортов. Среди потопленных кораблей имелись и корабли, специально предназначенные в английском флоте для борьбы с авиацией противника.

В Бельгии, а позднее и в Северной Франции засадыми немецких пикирующих бомбардировщиков и истребителей совершили непрерывные высотные полеты в глубину расположения противника, бомбардировали форты, крепости, аэродромы, бронетанковые и артиллерийские части, взрывали склады боеприпасов, разрушали коммуникации союзников.

Во многих случаях пикирующие бомбардировщики выжались срочно по радио и действовали вместе с тяжелыми, 35-тонными танками. Они прокладывали путь механизированным частям. Иностранцы наблюдатели, описывая подобные действия, рассказывают, что это был «сюрреалистичный и стремительный натиск стальных воинов».

В чем же преимущества бомбометания с пикирования?

Обычно при бомбардировках бомбы сбрасываются с самолета, совершающего горизонтальный полет. Этот классический способ бомбометания имеет, однако, недостатки. Огонь зенитной артиллерии заставляет аттасующий самолет лететь на большой высоте и жетть на большой скорости. Высота и скорость отрицательно влияют на меткость бомбометания с горизонтального полета. Бомбы рассеиваются на большой площади и лишь в небольшом количестве попадают на цель.

Только бомбометание с пикирования, т. е. почти вертикальная атака самолета на цель, позволяет считать меткость попадания с наибольшей разрушительной силой бомбы.

Как же действует пикирующий бомбардировщик?

Укрываясь за облаками, аттасующий самолет незаметно подходит к цели на высоте 5—8 тысяч метров. Перед целью самолет снижается, и летчик с высоты 4—5 тысяч метров направляет

летос самолета к земле под углом 60—90 градусов к горизонту, что и называется пикированием. Самолет при этом уподобляется «летающей пушке», готовый выстрелить свой снаряд на цель в момент стрелы приближения к ней. Его можно сравнить также со снарядом, управляемым во время полета. Траектория полета самолета и бомбы при пикировании почти совпадают. Бомбы, таким образом, приобретают меткость, необходимую при поражении небольших, но очень важных военных объектов и движущихся целей.

Обрывание бомб и выход самолета из пикирования производится со средних (1000—5000 метров) и чаще всего с малых высот (400—600 метров). Такое приближение атакующего самолета к цели позволяет ему не только бомбардировать, но и непосредственно обстреливать ее из пушек и пулеметов.

Пикирование продолжается считанные секунды. Самолет с огромной скоростью, почти отнюдь не летит к земле. Это тактика стремительно мчащийся истребитель, что горючий ее огонь земной артиллерии или пулеметов очень трудно.

При бомбометании с горизонтального полета начальная скорость падения бомбы равна нулю. Бомба, сброшенная пикирующим бомбардировщиком, уже имеет начальную вертикальную скорость падения, равную скорости самолета. Конечная скорость ее — а стало бы, и пробивная способность — гораздо выше чем при обычном бомбометании. Существует также бомбы с реактивными двигателями, которые сообщают бомбам дополнительную скорость, делают их необычайно меткими и повышают разрушительную силу взрыва.

Таким образом, пикирующий бомбардировщик становится как бы универсальным артиллерийским оружием, способным выжить огонь по мелким, укрупнен, но крайне важным военным объектам, даже если они хорошо защищены зенитной артиллерией.

Истребители военные оборудованы сбития пикирующие бомбардировщики одним из самых мощных и наиболее эффективных разрушительных средств в современной воздушной войне.

Сейчас пикирующие бомбардировщики строятся во всех странах, имеющих равную или близкую промышленность.

Германия, одна из первых начавшая применять бомбометание с пикирования в боевой

обстановке, имеет несколько типов одномоторных и двухмоторных пикирующих бомбардировщиков. Наиболее распространенным односторонней пикирующей бомбардировщик «Ханнел-123», двухмоторный двухдвигательный пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87».

«Юнкерс-87» может развивать максимальную скорость горизонтального полета в 330 километров в час. Дальность его действия — 830 километров. Самолет этот поднимает одну бомбу весом в 500 килограммов и 4 бомбы по 50.

Более новый многоцелевой, двухмоторный пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-88а» развивает скорость в 500 километров в час и поднимает более тысячи килограммов бомб. Оба самолета вооружены пулеметами. Кроме того, пикирующие бомбардировщики «Блехери-Скуа», «Фейри» и «Хукер-Хейл-61». Военно-воздушный флот Соединенных Штатов Америки также располагает несколькими типами пикирующих бомбардировщиков. На вооружении голландской армии до последнего времени состоял двухмоторный бомбардировщик «Фоккер». Он развивал скорость в 350 километров в час. Бомбы весом в 400 килограммов этот самолет мог пикировать со скоростью 640 километров в час (с высоты от тысячи до 400 метров).

Самая высокая скорость современных пикирующих самолетов колеблется от 500 до тысячи и даже более километров. Сейчас стремятся сделать более тяжелые бомбы, так как бомбы весом в 500 килограммов считаются не столько мощной, для того чтобы нанести серьезное поражение современному линейному кораблю.

Конструкция пикирующих бомбардировщиков особенно прочна: она способна выдерживать большие перегрузки, возникающие при выводе самолета из пикирования.

Воевая работа на пикирующих бомбардировщиках требует от летчиков огромной физической выносливости, терпимости и умения использовать силу своего оружия.

Пилот должен помнить, что вывод самолета из пикирования происходит не сразу: даже тогда, когда вывод из пикирования уже начался, самолет еще по инерции будет приближаться к земле.

Для того чтобы вывести самолет из пикирования, летчик должен энергичным и плавным движением отклонить рукоятку управления вверх. При этом самолет, переходя из верти-

кального полета в горизонтальный, описывает дугу. Конструкция его в это время испытывает максимальную нагрузку. Возникает настолько сильная нагрузка, что самолет отходит от гола. Пилот на некоторое время смеется и испытывает сильное головокружение.

Американский летчик-испытатель Джими Коллинс одним из первых проделал вертикальные пикирующие полеты на бомбардировщиках. Он рассказывает в своей книге, что после нескольких пикирующих полетов — с высоты 6 тысяч метров и с выходом из пики в 800—600 метров — он почувствовал, что устал и испытывал чудовищные перегрузки. Это понятно, если принять во внимание, что самолет Коллинса в конце пикирования достиг огромной скорости — 400 километров в час.

В полете Коллинс не раз терял сознание. «Я чувствовал себя так, — пишет он, — как будто меня избил. Мне казалось, что кто-то вынул мои глаза, вынул уши и снова вставил на место их пальцы. У меня онемели ноги и чувствовал острую, стреляющую боль в груди. Спина у меня болела, и четверть из носу шла кровью».

Для облегчения работы экипажей на современных пикирующих бомбардировщиках применяются специальные (перископные) зенитные и воздушные тормоза, позволяющие значительно сократить скорость пикирования. Так, например воздушные тормоза, установленные на «Юнкерс-87», дают возможность уменьшить скорость его пикирования с 750 до 400 километров в час. Нетрени на это боевая работа на пикирующих бомбардировщиках резко отличается от обычных полетов и требует особой подготовки, тренировки и высокой ответственности экипажей.

Бомбометание с пикирования имеет большое значение в воздушной войне и применяется всеми воздушными флотами воюющих стран. Для советских летчиков этот метод не является новым. Боевой утиль Военно-Воздушных сил Красной Армии предусматривает применение не только горизонтального пикирования, но и вертикального бомбометания с пикирования.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

... Лет пятнадцать назад в Ленинградском особинке, принадлежавшем тогда-то арестованному Нарышкиным, был обнаружен женский портрет работы неизвестного художника. Картина была вешалась в стелу, и может быть, поэтому ее увидели ее с собой бывшие владельцы особняка.

С первого взгляда портрет не отличался от любого другого. На буром фоне вырисовывалась темное рабоватое женское лицо. Фигура и руки женщины были погребены в стелу, и только потемневшего лака и гривы.

Картину перевезли в Москву и выставили в одном из антикварных магазинов, в Стокгольмском переулке. Там увидел ее профессор В. Н. Лазарев. Он узнал, что портрет сделан хорошим мастером, и посетовал: «Можно изобразительных искусств приобрести это полотно».

Осенью 1938 года московские мастера реставрации вывезли этанок в различных городах Союза. Перед отправки из Москвы картины обычно осматриваются и подписываются в порядок. А так как

в число полотно, предвзвешивались для вывоза, пошла и «Портрет молодой дамы», то его перенесли в реставрационный мастерскую.

Художник Корин полюбил промывать раскиску небольшой частью лица молодой женщины, изображенной на картине. Он острожно снял ее, и картина, как лака, красок, и влуд перед его возмущенным взором свернула жесткие перекосившиеся мастера. Как-то так, что под прищипанной вуалью сиял кусочек живой нежной кожи.

С возмущением Корин приступил к реставрации портрета. Но в августе 1939 года он острожно и терпеливо снял краски — слой за слоем — и снова начал историю портрета. «Молодой дамы». Он увидел, что в провал портрета много раз подвергался реставрации. Уже в первое столетие своего существования картина, видимо, сильно пострадала от дыма каминного и коптили щели. Тогдашние владельцы дали ее поновить и посетовали: «Третье-степеньному мастеру».

В дальнейшем эта операция производилась не раз. При очередном реставрации картины, видоизменила узоры не разгаданные и, переиспанная звано фон, покрыли и ее. Так был утерян автор.

Но живопись не погибла. Через сотни лет искусные руки мастера Корина вернули миру прекрасное произведение. Когда трудная работа реставратора была закончена, взору предстал подлинный «Портрет молодой дамы с веером».

На темном бархатистом фоне выделяется фигура молодой женщины в парадном платье начала XVII века. Ослепительные переливы голубого и лилового-розового плаща. На длинном лице золотые украшения, выложенные с ювелирной тонкостью. Вороник из драгоценных жемчужин наводит изумрудный узор на стекле. В длинных розовых паллах веер. Фигура скрыта громадными платками, но лицо — в голубоватой тени. Как будто светятся нежными переливами перламутра. Так писать живопись было только Рубенс и Ван-Дейк.

Но картина была неординарной, когда в правом верхнем углу картины, под слоем записей и лака, открылась монограмма «R. F.» — сокращение слова «Rubens», что значит: «Рубенс, сделал».

А. Стробицин

В этом году в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, в зале, где собраны произведения величайших мастеров живописи, повисла новая картина — «Портрет молодой дамы с веером». Картина пошла сюда при необычных обстоятельствах.

1. Дебатовательный член Государственного музея изобразительных искусств В. Ивановичи отобрел для этого портрета среди ринских произведений Рубенса.

СКАЗКИ ШЕДРИНА В РИСУНКАХ

В работе над Салтыковыми-Щедриним художник ощущает несомненная трудность: текст так насыщен образами, так выразителен и силен, что иллюстрировать можно едва ли не каждую строку. Приходится выбирать крайнее из яркого, значительнее — места, в которых отглажен всего складывается эпоха, отразилась общие свойства щедринского творчества; эпизоды, наиболее полно характеризующие отдельных героев.

С этим и встретился в первой же моей большой работе над произведениями великого сатирика, иллюстрируя «Помадура и помпадурша».

Я не мог уложить характер и содержание эпизода в один рисунок, мне необходимо было выходить за его пределы. Чтобы передать иронию Щедрина, внутреннюю мысль изображаемого, я решил дополнить основные рисунки пародиями.

Полюбопытнее. Основной рисунок изображает сатирического генерала, собирающего источники похвал институтами и любознательными взглядами ободраных, голодных крестьян. На полях большого рисунка — маленький: наглый и венок. Лирический венок, пресеченный нагайкой, — это выраженный в простых образах идейный, социальный и сатирический смысл того, что хотел сказать Щедрин.

В позднейших моих рисунках в произведениях Щедрина я отказался от такой внешней условности, стремился сконцентрировать все необходимое в пределах одного рисунка. Но это мне удалось в некоторых, где я мог дополнить один рисунок другим. Другое дело — задуманная мной серия иллюстраций к сказкам Щедрина. Здесь на каждую сказку, то есть на несколько страниц текста, приходится один рисунок, в котором и нужно показать все ясно и убедительно. В этом сложность и прелесть задачи.

Премудрый пискар... Всякому понятно, что Щедрин говорит не о рыбе. Пискар — трусливый, обыватель, дрожащий за собственную шкуру. Он человек, но он и пискар, в эту форму облек его писатель, и, художник, должен ее сохранить. Задача моя — сочетать образ запуганного обывателя и пискаря, совместить рыба и человеческие свойства.

Очень трудно космислить рыбу, дать ей позу, движение, жест. Как отобразить на рыбьем «лице» навеки застывший страх? Как придать рыбе выражение запуганности? Фигура пискаря-членивика доставила мне немало хлопот. Трудной была и работа над передачей воздуха, освещения. Требуется создать впечатление речного дня и вместе с тем комнаты. Мне кажется, что это у меня получилось.

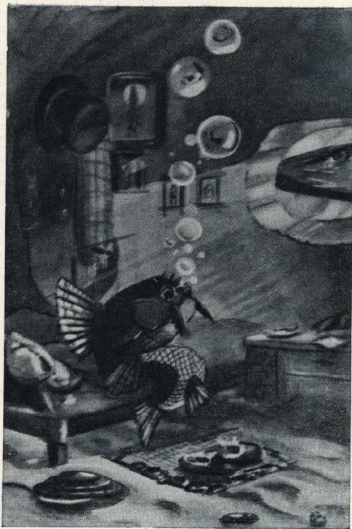
Под в комнате песчаный, с ракушками, в воде крохоты корки и желтые туйки. Пискаря осторожный, он боится не только промокнуть — это под водой-то! На стене висит иконка с изображением «рыбных святых» — портеры «дяди» и «мамы» пискаря. Ничего этого у Салтыкова-Щедрина нет, но это выводится в согласии с

его замыслом, с созданным им образом. У него, писателя, присущую ему средства выражения и характеристики, у меня — свои. Салтыков-Щедрин мог рассказать историю пискаря и даже его отца последовательно, страница за страницей, а же должен представить все это наглядно в одном рисунке.

Не меньшие трудности встретились и в работе над «Карасем-идеалистом». Карась у меня трусоватый, нахальный, голубоватый блондин, и вместе с тем карась — не леи, не судак, но карась. Против него развалился в небрежной позе «чри» — большой человек. В руках у «чри» рыболовный крючок, внимание рыбы на него попадает, а он, «чри», поворачивает им, как стеклом. Его не проведешь! Колорит рисунка скупой, голубовато-розовый, под стать характеру карася. На камельках, заслушавшись, восторженных речей, расслезлись доверчивые рыбы-дети. А боку, впаду водорослей, к этой идиллии подкрадывается хищная щука...

Есть ли все это у Щедрина? Да, есть, но разбросано в разных местах сказки, дано намеками. Щедрин вообще говорит с художником намеками, краски — не его сфера. Иное дело — Гоголь. Гоголь живописен, он сам подчас упирается в формы и краски. Для Щедрина же вещь важна не сама по себе, но как показатель известных человеческих взаимоотношений. Эту особенность писателя и пытался передать в своих иллюстрациях.

Над вещами Салтыкова-Щедрина я работал больше шести лет. Иллюстрировать произведения большого писателя — все равно что общаться с замечательным человеком. Это накладывает серьезные обязательства, но неизменно поднимает и творчески обогащает.

Премудрый пискар.

Карась-идеалист.

Прибор, продвивший жизнь

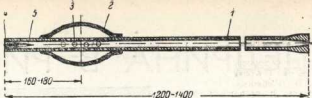

Схема стеклудувного прибора.

В прошлом году на Международной выставке в Нью-Йорке — «Ирвэвстрайп» дивизиона всевозможных новинок техники были показаны замечательные изделия из стекла. Кружевные вазы причудливых форм, ажурные кувшины, покрытые художественной росписью, самые разнообразные бокалы, фужеры, графини ценились взор посетителя выставки.

Некоторые изделия особо подчеркивали, что все это — мастерство их искусственных рабочих-стеклодувов.

Профессия стеклодува засчитывается не менее трех с половиной тысяч лет. Но за многие, многие века способ изготовления стеклянных изделий не изменился. В наши дни, так же как и во времена египетской древности, стеклодув вооружен длинной железной трубкой. Один конец ее опущен в горшок с расплавленным стеклом, и к трубе припадает выдув,

небольшой комочек быстро сгущенной массы. Тогда мастер быстро берет другой конец трубки в рот и начинает дуть в нее. Комочек превращается в полый шар, который на зыбкий пузырь, выдуваемый через соломку, выдувается в желаемую форму.

Если нужно изготовить вазу, кувшину, стакан, то комочек стекла опускают в соответствующую желаемую форму и раздувают его в этой форме.

Таким образом, все стеклянные изделия изюном веков создавались силой легких стеклодува. Труд этот губителен для человеческого организма. Легкие и сердце мастера все время расширяются, зубы сжимают трубку, ртом с ним пышет жаром раскаленная известь. Очень часто стеклодувы заболели туберкулезом, расширением сердца, тиреотом, зубной гнилью. Многие из них к 30—35 годам становятся инвалидами.

В нынешнем веке техника стеклянной промышленности обогатилась машинами, которые частично заменили труд человека. Окисное стекло, бутылки, стаканы, низших сортов, коффы для электрических ламп производятся теперь автоматами. Но тысячи более сложных предметов все еще выдуваются силой легких стеклодувов.

Уже в первые годы существования советской власти было сделано все возможное для того, чтобы облегчить работу стеклодува. Его рабочий день значительно сократился, обстановка в цехах была оздоровлена, а производство многих видов изделий механизировано.

Но и нас труд стеклодува до последнего времени продолжал оставаться тяжелым. В 1938 году Ленинградский обком ВКП(б) под руководством

Годария Желана предложил максимально облегчить изготовление стеклянных изделий, так как работа, губительная для здоровья человека, недопустима в социалистическом обществе. Решение этой почетной задачи поручили Всесоюзной проектной конторе «Стеклопрокт».

В прошлом году стеклодувный прибор был создан. Выглядит он очень скромно. Это длинная железная трубка, на верхнюю часть которой надет резиновый баллон. В трубе есть клапан, регулирующий приток воздуха. Рабочий легким движением руки нажимает на баллон. Воздух идет по трубке, попадает в комочек расплавленного стекла и раздувает его. Таким способом можно изготовить любое изделие, и притом более высокого качества чем при выдувании в старой форме.

Это изобретение буквально продлило жизнь тысячам мастеров. Правительство наградило изобретателя автором стеклодувного прибора — инженером А. Я. Гринбергом, М. С. Гандишу и И. С. Благозарова.

Сейчас в нашей стране впервые в жизни человечества дотопотный способ изготовления стеклянных изделий с помощью человеческих легких запрещен.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Гунь

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОНКУРС «СМЕНЫ»

Задача № 153
Л. Загоруков
(Москва)
1 пол. отгад.

Задача № 154
В. Тропосский
(Ленинград)
2 пол. отгад.

Задача № 155
А. Сталева
(Рязань)
3 пол. отгад.

Белые, начиная, дают мат в два хода.

ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ МАСТЕР

Самый молодой мастер СССР по шахматам — восемнадцатилетний комсомолец Марк Юдович Стельберг — научился играть в шахматы десяти лет. Через три года он стал чемпионом школы города Ростова на Дону, а в феврале 1936 года ему присуждается первая категория.

Звание мастера СССР по шахматам присуждено Стельбергу Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта при СНК СССР 19 октября 1939 года.

Белые: Фогельман
Черные: Стельберг
(Турнир кандидатов в мастера, Ростов на Дону, 1939 год.)

Белые тонко оценили скрытые нюансы позиции черных, подрывают их пещерный центр и организуют атаку на королевском фланге.

17. c2—c4 e5—e4
18. f3—f4 d5—d4, 18. Кf5—e4 Лf6—f8, и позиция черных непременно ослаблена.

19. c4—d5 Кc6—e5
20. Фe2—e4 Сd4—f5
21. Фe4—h4 * * *

Возможно было и 21. Фe4—e5 и ход, сделанный в партии, ведет к форсированному разгрому.

21. Сf5—e2 Крe8—f8
22. Фh4—h7+ Лf6—e6
23. Кe5—e6+ Кe7—g5
24. d5—e6

Предупреждая страшную угрозу Сd2—h6+ и Фh7—h8+ Кe8—f5
25. Сd2—c3 Крf8—e7
26. Фh7—h8+ Лf6—e6
27. Фh5—e7+ Кe7—d6
28. h4—e1 Сc2—e4
29. Фe1—e4 Черные сдались.

КАК ОБНАРУЖИТЬ КОМБИНАЦИЮ

Не раз в описанных партиях между самым лучшим шахматистой можно встретить выражение: «Исход борьбы был решен красивой комбинацией».

Комбинация обычно возникает не неожиданно, не случайно. Опытные шахматисты всегда подготавливают возможность возникновения комбинации, создавая в лагере противника слабые пункты, ослабляя положение неприятельского короля.

Именно позиция короля имеет весьма серьезное значение для большинства комбинаций, возникающих в шахматной партии. И поэтому шахматист должен всегда внимательно проверять все возможности атакующих ударов на позицию короля противника, даже если эти удары связаны с материальными жертвами.

В позиции диаграммы № 1 положение черного короля явно беззащитно, так как все белые фигуры расположились весьма агрессивно. Без труда можно найти ход 1. Кd4—f5, который, казалось бы, легко выигрывает так как на 1. ... g6: e5 решается 2. Лf4—e4+ и быстрым матом. Однако на 1. Кd4—f5 у черных есть сильный контрудар 1. Ф: h4, который на первый взгляд опровергает комбинацию.

В этом случае необходимо установить важный дополнительный

момент. Конт: с полf5 угрожает матом в двух ударах (на e7 и h6). Оба эти поля защищает черный ферзь, одновременно сам находящийся на поле f5.

Опытный шахматист всегда будет искать продолжение комбинации в связи с попыткой отвлечь черного ферзя.

Внимательное рассмотрение позиции выявляет блестящий ход 2. Фh1—h5, решающий дело. В случае 2. ... Фh4: h5 следует мат 3. Кf5—e7, а на 2. g6: h5 мат 3. Кf5—h6.

Легко установить, что теперь уже недоуверительной защиты у черных нет.

В позиции диаграммы № 2 положение черного короля на h8 при грозном положении слона e4, коня h4 и ладьи f3 заставляет искать комбинации с вскрытием линии h, после чего ладья f3 нанесла бы черным смертельный удар, мату на h8. Следует отметить, что для достижения этой цели белые должны повернуть ладью f3 на h3.

Однако в ответ на 1. Кf4—g5+ последует: Кf8: g6 2. h5: g6—h6, и черным удается забарикадироваться.

Поискать все же найти комбинацию в этом положении.

Мастер М. ЮДОВИЧ

РЕЗУЛЬТАТ КОНКУРСА, ОБЪЯВЛЕННОГО В № 2 «СМЕНЫ»

Всего в конкурсе участвовало 159 читателей «Смены». Из них 71 человек правильно решил все композиции. Но так как в задаче Р. Пономарева оказалось два довольных решения, то премии выше присуждены читателям, указавшим эти последние решения.

Премии получают следующие товарищи:

1. Колесникова Н. (село В. Висла, Кировоградской области),
2. Синков Н. (Сталиногорск),
3. Либеров Г. (Москва).

4. Гладыж И. (Харьков),
5. Николаев А. (Рыбинск),
6. Лавшин В. (Рыбинск),
7. Шапошников Ю. (Павловск на Дону),
8. Буряшинов В. (Москва),
9. Гладыж В. (станции Воевожск, Каменец-Подольской области),
10. Григорьев Г. (Москва),
11. Глазвидт (Полок),
12. Никеев Г. (Полок),
13. Семисаженев Д. (Пена),
14. Пугачев С. (Омьинский),
15. Фербын М. (Омьинск).

РЕШЕНИЯ «СМЕНА» № 4

Задача № 140 А. Доборджинидзе

1. КН4—f3

Задача № 141 Р. Пономарева

1. Lc4—b4

Задача № 142 П. Шилдего

1. Фd3—f4

Задача № 143 И. Алешина

1. Фe6—a7 Лb8—a8

2. b7—a8Ф× Лb8:с8

3. ...—b8К×

В начальной позиции на 1. ... Лb8—a8 следовало 2. b7: a8К× и на 1. ... Лb8:с8 2. b7:с8Ф×.

Задача № 144 В. Федорина

1. Фd1—g2 урзоа 2. Фg2—a2+3

1. ... Лb8—f6 2. Kh3—g5+Kp6:с5

3. Фg2—b2×1

1. ... Gd8—f6 2. Kh3—f4+ Kp6:с5

3. Фg2—g5×1

1. ... Kc7—d5 2. Фg2—a2 и 3.

Фg2: d5×.

Задача № 145 Ч. Зубрица

1. Kf8—e6 Kр4—f5 2. Ке6—g7+3

и 1. ... Kр4—d5 2. Ке6—с7+ и т. д.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 5—6 «СМЕНЫ»

ПО ВЕРТИКАЛИ:

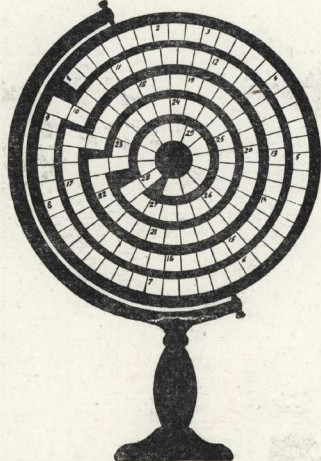
1. Поты, 2. Бары, 3. Ионы, 4. Гончаров, 5. Кур, 6. Дюм, 7. Крокодилы, 8. Трамв, 9. Огиль, 10. Огатор, 11. Верста, 12. Балас, 13. Аборн, 18. Аул, 21. Окоп, 22. Овца, 24. Аляска, 25. Ямак, 27. Угес, 28. Буа, 30. Урен, 31. Авинья, 32. Кара, 35. Лава, 37. Нилитон, 38. Вендгол, 40. Номад, 42. Дистипат, 43. Сильвет, 44. Тейн, 46. Суши, 48. Остро, 50. Носор, 61. Пил, 74. Пил, 84. Мот, 85. Ян, 86. Тир, 87. Рог, 88. Олнь, 89. Илья, 88. Рюк, 90. Олень, 92. Сом, 73. Тир, 74. Рысь, 76. Тар, 79. Коверган, 80. Муза, 81. Пран, 83. Лавонин, 88. Барсел, 88. Аляска, 90. Злоба, 91. Хинго, 93. Онь, 94. Барья, 95. Олень, 99. Олень, 100. Болос, 103. Лил, 105. Тир, 108. Алян.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Юк, 3. Катю, 8. Гресс, 10. Суриков, 12. Вурна, 14. Астра, 15. Овца, 16. Плутучи, 17. Тин, 19. Пешар, 20. Лето, 22. Овца, 23. Марин, 25. Окулат, 29. Овца, 32. Тоя, 33. Коре, 34. Рюк, 36. Рюк, 37. Паша, 38. Нонат, 41. Аляска, 44. Тин, 45. Мар, 47. Сом, 48. Олень, 49. Пил, 51. Пилан, 53. Нары, 60. Носор, 56. Тибор, 58. Рюк, 59. Мот, 60. Лопухи, 61. Тин, 62. Алы, 63. Катю, 65. Вит, 67. Кора, 68. Порос, 71. Ян, 72. Овца, 73. Тир, 75. Вит, 77. Пил, 78. Нильс, 80. Мирок, 82. Огиль, 84. Фил, 85. Пуг, 87. Мрам, 89. Рюк, 90. Вит, 92. Аборн, 94. Вонка, 96. Тира, 97. Лил, 98. Сопрат, 98. Сом, 101. Рюк, 102. Овца, 104. Олень, 106. Алян, 107. Сахалин, 108. Калы, 110. Калор, 111. Рюк.

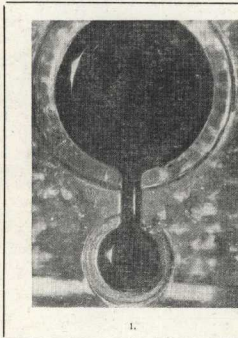
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЧАЙНВОРД

Составил С. Рыманов

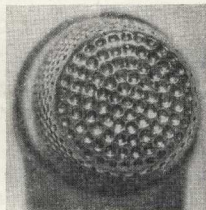

Значение слов: 1. Водопад, 2. Часть течения в Атлантике, 3. Государство, 4. Остров в Восточной Азии, 5. Штат в США, 6. Остров на Дальнем Востоке, 7. Республика в Центральной Америке, 8. Государство, 9. Озеро на западе реки Уралы, 10. Столица Австралии, 11. Город в Германии, 12. Горный хребст в Азии, 13. Изобретение в Центральной Азии, 14. Город в СССР, 15. Столица Нигерии, 16. Город в Германии, 17. Тенное течение в Атлантике, 18. Притоки Рейна, 19. Озере моря Лаптевых, 20. Полуостров в Северной Америке, 21. Город в Англии, 22. Штат в Азии, 23. Полуостров на севере СССР, 24. Остров в Зейском море, 25. Город на Черном море, 26. Высшая горная страна в Средней Азии, 27. Столица Латвии, 28. Часть света, 29. Гора.

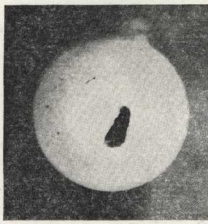
ЧТО ИЗОБРАЖЕНО НА ЭТИХ ФОТОГРАФИЯХ?

1.

2.

3.

Ответственный редактор Ф. И. Наседкин. Сам. ответ. редактора М. Г. Осипов.

Формирование В. И. Урина.

Слано в набор 7/VI 1940 г.
Уполномоченный Главлита № А—29980.

Подписано к печати 4/VI 1940 г. Члз. № 719.
Технический редактор Б. М. Фейгин.

Формат 72×110 см. 4 печ. л. 93 000 зн. в печ. л.
Тираж 45 000. Зам. № 204.

